Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни

Автор:
Татьяна Алюшина

Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Бывает так, что в твоей новой квартире остаются следы старых преступлений, многолетних несчастий и предательств. И хотя все эти клады, убийства, запутанные взаимоотношения – дела чужих, совершенно посторонних людей, в центре детектива оказываешься именно ты!

Но Алиса Ельская, героиня нового романа Татьяны Алюшиной – не только большой ученый, а еще и сильная, деятельная женщина. Она не станет пассивно ждать, пока неведомый убийца проникнет в ее квартиру и отыщет там клад, спрятанный бывшими хозяевами. Не будет рыдать и думать, зацепит ее чужая смертельная интрига или пройдет стороной.

А уж если на помощь придет бывший одноклассник, работающий в полиции, то можно не только распутать сложное преступление, но и получить шанс на любовь – чистую, нежную, настоящую. Тот самый шанс, которым Алиса и Денис не сумели воспользоваться в юности.

Татьяна Александровна Алюшина

Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни

© Алюшина Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Переступив порог комнаты, женщина замерла.

Когда она смотрела с поста наблюдения из «предбанника», как называет это помещение персонал, через огромное стекло на длинную комнату реанимационной палаты, заставленную множеством разнообразной медицинской техники и рядом коек с лежащими на них пациентами, – была уверена, что там, за стеклом, царит особая скорбная тишина, в которой почти беззвучно двигаются медики в спецкостюмах и лишь изредка, совсем тихо, на грани слышимости, пискнет какой-нибудь монитор, передавая информацию о состоянии больного, подключенного к аппаратуре.

Здесь, по эту сторону, была жизнь, а там – там уже правила смерть. Так воспринимала и ощущала женщина разделение на «до» и «после», на «да» и робкое «возможно». И смерть представлялась ей царством тишины.

Но стоило ей оказаться по другую сторону стекла и шагнуть в палату, как на нее обрушилось целое звуковое море этого особого изолированного мирка: пищали на разные лады и щелкали всевозможные датчики, выводившие снимаемые с пациента показания на экраны мониторов; в больших стеклянных цилиндрах мерно вздымались и резко опускались черные мехи искусственного дыхания; что-то негромко монотонно гудело на одной ноте в углу комнаты и совсем не тихо разговаривали три медика возле койки с одним из пациентов. И все эти звуки – громкие и чуть слышные, навязчивые и еле уловимые – сливались, перемешивались между собой, образовывая один тревожный, напряженный шумовой фон, и, как ни странно, порождали гораздо больше надежды на победу, на лучший исход, чем там, за стеклом, отсекавшим палату от здорового мира.

Бог знает, как так получилось и что вызвало в ней подобную ассоциацию, но эта звуковая какофония, пусть совсем негромкая, а не предупреждающие фанфары Рока, внезапно словно отрезвила ее, вдруг очень ясно высветив в уме все, что она уже сделала и еще намеревалась сделать и ради чего, собственно, и проникла в реанимационную ковидную палату. И в этот момент весь четкий, продуманный план неожиданно увиделся женщине не серьезной, рассчитанной

до мелочей операцией, а совершенно нереальной, глупой и опасной аферой.

Она глубоко вздохнула, тряхнула головой, отделываясь от неуместного сейчас страха и непонятно откуда прилетевшего приступа рефлексии. Отступать поздно, да и глупо – она уже здесь. И, резко выдохнув, женщина двинулась к нужной ей койке.

Как и все пациенты в этой палате, мужчина был подключен к аппарату искусственного дыхания, облеплен клеммами различных датчиков, с иглой от системы капельного дозирования, введенной в вену на сгибе левой руки. Но он находился в сознании. Женщина точно знала, чувствовала, что он в сознании, просто глаз не открывает, предпочитая пассивной безысходности большинства лежащих на соседних койках пациентов сражение с дикой слабостью, немощью и болью в темноте одиночества.

Выглядел он ужасно, словно смерть уже наложила на него лапу, объявив своей добычей, высосав все жизненные соки, обескровив кожу, превратив ее в болезненно-пергаментную, синюшно-желтоватого цвета. Глаза глубоко ввалились в потемневшие, почти черные глазницы, скулы и нос заострились…

И этот болезненный образ умирающего, этот измученный, смертельный облик был настолько неправдоподобно и страшно далек от него настоящего, от его мощной телом, волей и духом личности, от матерого, несгибаемого человека, которым он являлся всегда, при любых, даже самых смертельных обстоятельствах, что она невольно, словно сбегая и не желая запоминать его таким, торопливо перевела взгляд с его лица.

Даже в состоянии тяжелейшего истощения и предсмертной немощи его грудная клетка и разворот плеч оставались все такими же мощными, богатырскими, но выпирающие ребра и ключицы, утратив былой мышечный каркас, были обтянуты все той же пергаментно-желтушной кожей. Женщина смотрела на эту иссушенную смертельной болезнью, покрытую редкими седыми волосами грудь большого, сильного, еще совсем недавно могучего человека и чувствовала, как, вопреки всем ее попыткам сдержать эмоции, в груди тугим комком, перекрывая дыхание, скапливаются горячие, больные и злые слезы.

Она ненавидела его. Ненавидела многие годы. И… не боялась, нет – опасалась, всегда находясь настороже. Как любой нормальный человек опасался бы

мнимого дружелюбия дикого зверя, с которым ему приходится контактировать. Даже вот такого – беспомощного, уходящего – опасалась…

Сколько раз, справляясь с приступами обиды и ненависти к этому человеку, принуждая себя искренне улыбаться, держать спину и не выказывать своих истинных чувств, она мысленно представляла себе картины его смерти – пугающие, но яркие, сладко будоражащие, как лучшее выдержанное вино. Поминутно, шаг за шагом, она прокручивала, словно детективный фильм, как подмешивает в его еду снотворное и, дождавшись, когда он уснет, душит это животное подушкой, как подсыпает яд в его любимый сбитень, а потом с наслаждением наблюдает, как он корчится в муках, умирая у нее на глазах. Непременным и обязательным в этих приятных короткометражках ее кровожадного воображения был тот момент, когда он за минуту до смерти понимал, осознавал, что это именно она его убила.

Такие кровожадные картины мести посещали женщину много лет назад, в первые годы их знакомства, и давно уже отпустили ее, как и чувство жгучей обиды и ненависти. И все же добра этому человеку она не желала.

Но даже ему, человеку-проклятию всей ее жизни, она не пожелала бы такой боли и столь страшной, столь некрасиво-беспомощной, мучительной смерти от непреодолимого удушья, которая уже практически неотвратимо забирала его прямо сейчас.

Женщина снова тряхнула головой, освобождаясь от нахлынувшей минутной слабости, достала из кармана ватный тампон и склянку со спиртом. Неловкими от надетых на руки перчаток пальцами отвинтила крышечку, щедро смочила тампон. Придвинулась поближе к койке, наклонилась и, вытащив из-под простыни, развернула поудобней к себе кисть его правой руки и принялась старательно протирать большой палец ватным тампоном.

И вдруг замерла, безошибочно почувствовав, что он смотрит на нее.

Она всегда чувствовала его взгляд, физически чувствовала – всегда! Что-то делалось с ней, когда он вот так пристально буравил ее взглядом, что-то там думая про себя, прокручивая в голове. Даже если она не могла в тот момент видеть его глаз, даже находясь от него на большом расстоянии, – она точно определяла, знала, что сейчас он смотрит на нее, и чувствовала, как тяжелые,

свинцовые ледяные шарики несутся по столбу ее позвоночника от затылка до копчика, скатываясь внезапной тяжестью в пятки.

Она медленно подняла голову… и встретилась глазами с немигающим взглядом его серо-стальных, холодных глаз, смотревших на нее в упор поверх гофры трубок от аппарата искусственного дыхания и плотно прижатой к лицу маски, удерживавшей их.

Он не мог ее узнать. В этом чумном медицинском костюме, в затянутом по всем правилам капюшоне, прилегающем к коже и от того деформирующем лицо, в широкой маске и медицинских очках, искажающих облик любого человека, надевшего их.

И, чтобы отделаться от морока, опутавшего ее, заставившего замереть, словно муха в янтаре, женщина медленно вдохнула, мысленно дважды повторив очевидный факт своей достаточной маскировки…

…выдохнула и распрямилась.

Понятное дело, что говорить он не мог. И шевелиться не мог, наверное, он и думать-то мог с большим трудом, если вообще мог, но все смотрел и смотрел пристально на нее… И она поняла, что каким-то непостижимым, необъяснимым образом он все-таки ее узнал!

И что-то вдруг переменилось в женщине, как отпустило, словно сбылась та ее давняя, почти детская мечта, столько лет защищавшая от ярости и ненависти, когда она представляла себе, как за минуту до смерти он понимает, что это она его убила.

Неспешно, наполняя каждое движение глубоким символическим смыслом и значимостью, так, чтобы он видел, что именно она делает, женщина достала из другого кармана небольшую металлическую коробочку, открыла, взяла его за тот самый большой палец, что протирала спиртом, и старательно вдавила подушечкой в находившийся в коробочке специальный пластилин для снятия слепков.

Вдавливала, держала и смотрела торжествующе ему в глаза.

А мужчина, верно поняв и правильно истолковав все ее действия, вдруг подмигнул ей заговорщицки и улыбнулся – так светло, так…

Конечно, он не мог улыбаться губами, не мог изобразить эту странную, совершенно невозможную для него улыбку мимикой измученного, исхудавшего лица, но он улыбался глазами, будто признавался в любви, подбадривал и радовался ее решимости.

Словно обжегшись об этот его поразительный взгляд, женщина резко откинула мужскую руку на белую простыню, прикрывавшую его тело, захлопнула коробочку и убрала в карман.

– Сукин ты сын, Владимир Артемович, – не смогла удержаться от горького высказывания она. – Вот сукин ты сын!

А он все смотрел на нее, и что-то необъяснимое плескалось в этом его взгляде, уже потустороннее, нездешнее…

Женщина наклонилась к нему, придвинулась как можно ближе, насколько позволяли трубки и провода, к его уху губами, спрятанными за слоями маски, и прошептала:

– Сволочь ты, бессердечная, гадкая, злая сволочь, Владимир Артемович.

Замолчала, чуть отстранилась, всматриваясь в его лицо: слышит ли, понимает, что она говорит?

Он слышал, и понимал, и продолжал улыбаться – так небывало для него, невозможно открыто, светло и так по-человечески…

– Ненавидела тебя все эти годы, с той первой минуты, когда встретила, – сказала она, уже не отпуская этого его странного взгляда-улыбки.

Предательская слеза, внезапно вырвавшись из не дающего продохнуть комка в горле, пробившись сквозь все бастионы и преграды, что она старательно выстроила, покатилась по ее щеке.

– Но кое за что я тебе благодарна, – призналась она. – Пожалуй, что и за многое. И поставлю тебе свечку. Сейчас за здравие, ну а вдруг поможет… а потом, когда…

И пожелала, искренне, от сердца, отпустив на свободу и вторую слезу:

– Иди с миром, Владимир Артемович.

Взгляд его сделался вдруг строгим, и мужчина глазами указал на аппаратуру, а потом быстро перевел глаза, в которых на сей раз плескалась четкая просьба-указание, обратно на нее.

– Нет. – Проследив за этим его указующим взглядом, женщина покрутила головой, отказывая ему в последней просьбе, прекрасно поняв, о чем он просит. – Я не стану тебе помогать в таком деле. Это ты уж сам с Богом разбирайся, Владимир Артемович, за что и сколько он тебе страданий отмерит. Лишь одним могу помочь: зла на тебя держать не буду и постараюсь простить.

И, резко оборвав их странный разговор, распрямилась.

– Прощай.

Она пожала безвольную кисть его руки, лежавшей поверх простыни, ярко-белого полотна, которое будто подчеркивало неотвратимость смерти, царившей здесь.

И ушла. Не обернувшись, не посмотрев больше на мужчину, провожавшего ее взглядом до тех пор, пока за ней не закрылась дверь реанимационной палаты.

Высоко подняв голову, выпрямив спину струной, она шла по коридору к санпропускнику и не видела ничего вокруг от заливавших и душивших ее слез, рванувших из всех глубин, из всех накопленных обид, из…

Долгие годы она ненавидела этого человека и желала ему смерти, желала страшных потерь и мучений. Ненавидела, опасалась… и уважала.

И восхищалась порой, и еще что-то… что-то еще…

Переезд!

Нет, не железнодорожный ни разу!

А самый что ни на есть банальный, житейски-бытовой, то бишь с одного места жительства на другое. Новое.

Из дома, в котором провел годы, десятилетия, в котором прошло твое детство-отрочество, которое, как гриб, всеми своими грибницами проросло воспоминаниями, эмоциями, чувственным опытом, горестями-радостями, достижениями-победами, поражениями-преодолениями и триумфами. Где все твое – понятное, привычное, родное, на обычных и правильных местах… И вдруг, в один момент, сломать все устои, правила и привычки этого дома – и уезжать! Да ладно бы уезжать – пе-ре-ез-жать! Насовсем!

Ребята, это засада! Это такая жесть!

Кто проходил – тот знает, понимает! Зашибись себе «удовольствие».

Но возражать маме, если та возбудилась очередной своей грандиозной идеей, все за всех уже решив, и приступила к ее воплощению, – сродни тому, как застрять в поломанном хлипеньком «жигуленке», заглохнувшем окончательно и бесповоротно аккурат на том самом железнодорожном переезде, перед несущимся на него литерным поездом. Результат приблизительно одинаковый: сметет на фиг по ходу своего движения, не заметив-проигнорировав любые возражения и вполне себе обоснованные и весомые аргументы против очередной ее задумки. Да, пожалуй, что сметет любого человека, вставшего на ее пути. Ну, за ре-е-е-дким исключением.

Работу, занятость и личные дела выбранных для воплощения ее задумки участников Эмма Валентиновна не принимала в расчет, как и их возражения. Легко и непринужденно, с присущим ей умением напрочь игнорировать проблемы и дела других людей, требовала: извернись, изловчись, сделай все, что от тебя хотят, – и свободен, можешь спокойно работать себе дальше. Видишь, все очень просто: чем быстрее исполнишь то, чего требуют и ждут от тебя, тем быстрей вернешься к своим делам, как служебным, так и личным.

Женщина-таран, что совершенно не сочеталось с ее внешней физической хрупкостью, женственностью и старательно наигранной нежностью.

Происходило это обычно так: Эмму Валентиновну озаряла Идея, как правило, Грандиозная (а другие ее не посещали – не мамин формат). Она сразу же придумывала и решала, как воплотить и кого привлечь для быстрейшего исполнения этой Идеищи, и-и-и-и… выпускала на свободу цунами реализации своего очередного «великого плана» – совершенно разрушительное по мощи. И «хоть таской, хоть лаской», уговорами, угрозами и увещеванием, а порой и откровенным шантажом, – но добивалась, что те, кто не успел вовремя увернуться и спрятаться, ворча, ругаясь на все лады и постанывая, таки принимались воплощать эту, будь она неладна, Идею в жизнь.

Алиса, вроде бы давно научившаяся благополучно уклоняться от большинства маминых идей-заданий, а порой даже противостоять особенно крутым ее наездам и остужать чрезмерный энтузиазм родительницы, на сей раз дала-таки втянуть себя в очередную мамину аферу, поскольку большой мамин План затрагивал интересы самой Алисы. В давно уже привычной форме полного игнорирования и ущемления тех самых интересов дочери – Эмма Валентиновна надумала кардинально решить квартирный вопрос.

Другое дело – ради чего, как и какими средствами она намеревалась его решить, и с какими потерями для вовлеченной в воплощение этого Плана родни.

Эмму Валентиновну посетила гениальная, как водится, мысль, что ее обожаемому сыночку Никиточке срочно, прямо вот сейчас, немедленно и безотлагательно требуется свое отдельное жилье!

– Мальчик поступил в такой вуз! – объясняла она придуманную ею необходимость Великого переезда, собрав ближайшую родню за круглым (во всех смыслах: и по форме и по переговорному предназначению) столом. – Ему требуется постоянно учиться, плотно общаться с сокурсниками и взрослеть, мужать, становиться самостоятельным! Конечно, он не может жить далеко от вуза, не в спальнике же каком-нибудь, чтобы добираться неизвестно сколько до учебы, а ночью темной обратно. Это недопустимо! Мы будем искать квартиру рядом с училищем.

Мальчику было семнадцать лет, и поступил он не абы куда, а в Щукинское театральное училище. На минуточку, расположенное в историческом центре города Москвы. В самом что ни на есть историческом.

Историчнее некуда.

И как бы приобрести жилье рядом с этим училищем для простых, в принципе, незатейливых москвичей, ну пусть даже затейливых и не так чтобы совсем уж простых-простых, но с весьма скромными доходами…

Ну, все поняли. Максимум на что хватило бы средств семейства в большой складчине-обдираловке всех имеющихся «сусеков» и заначек «чернодневных» – так это на три доски от строительных лесов с реставрации особняка на Арбате. Зато на три очень большие и крепкие доски и в том самом центре города, аккурат возле училища имени великого артиста.

Но у Эммы Валентиновны был же таки План! А то!

По которому сдвигались с места жизни Тектонические Плиты – то есть выкорчевывались из своего дома бабушка с дедом, до этой минуты бывшие неприкосновенными во всех предыдущих затеях Эммы. Их квартира, в которой, между прочим, вместе с патриархами проживала еще и Алиса, по задумке мамы, удачно продавалась, а стариков перевозили жить к дочери…

– Тем более что меня первое время и дома-то почти не будет, – выкладывала родне свои продуманные аргументы Эмма Валентиновна. – Надо же будет устроить на новом месте Никиту и первое время присмотреть за ним, наладить быт…

Понятно: «взрослеть, мужать и становиться самостоятельным» сыночку светит не скоро, уж точно не в ближайшие год-полтора. Впрочем, Никита уникальный мальчишка – вон сидит, уткнувшись в телефон, с кем-то скорострельно переписывается, и такое впечатление, что ему все по барабану, глубоко пофиг и вообще его ничего не парит. Но на самом деле мальчик все сечет, все слышит и «участвует» в разговоре, только весьма своеобразно – не вступая непосредственно в обсуждения и дебаты.

Он с младенчества усвоил, что спорить и дискутировать с мамой, пытаясь отстаивать свое мнение, – дело бесполезное и изначально гиблое: только нервы изводить и сильно усложнять себе жизнь. А поскольку деваться от нее и ее «Великой Любви к Сыну» Никитке было некуда, то пацан выработал отличный способ коммуникации с матерью: большой пофигизм и уникальное умение пропускать мимо ушей и эмоций большую часть ее выступлений и монологов. И, молча выслушав все, что та ему задвигала, кивал, соглашался безоговорочно, а чуть позже, когда первый накал ее деклараций спадал и мама почти забывала, что там втолковывала сыночку, он делал так, как считал верным, и все по-своему.

Вообще Никита личность очень уравновешенная, такой спокойный, немногословный ребенок, и вдруг неожиданно выяснилось, что у него настоящий актерский талант. Видимо, жизнь с мамой, безостановочно отыгрывавшей в жизни выбранную ею роль, научила пацана лицедействовать, только тихо, без громкого эксцентричного актерства и позерства, а так, внутри себя. А еще от удушающей материнской любви и заботы Никитос сбегал в книги, которые читал запоем, в основном современную фантастику, но и крутых писателей иногда жаловал. И постоянно пропадал на каких-то дополнительных занятиях и учебах.

Мама пребывала в благостной уверенности, что мальчик занимается точными науками дополнительно к школьной программе, как она и наказала ему, а мальчик, как оказалось, ходил в театральную студию. Нет, точными науками он тоже занимался, но без особого энтузиазма, только чтобы окончить школу с высоким рейтингом и баллами.

Вот как из него может получиться артист? Алиса недоумевала: такой интроверт, весь в себе, в своем внутреннем мире – и вдруг актерство. Ну ладно, там посмотрим.

Кстати, поступление Никиты в вуз – показательная и весьма красочная иллюстрация к его взаимоотношениям и коммуникации с мамой. Эмма Валентиновна еще лет пять назад решила, что сыночек непременно будет поступать в МГУ. Ну а куда еще может поступать такой талант в нашей стране? Есть сомневающиеся, что у ее сына талант? Дураков не нашлось.

Ну и мама предприняла некоторые шаги к триумфальному поступлению сына: налаживала связи, узнавала, на какие подготовительные курсы лучше ходить

ребенку, и так далее. При этом ни разу, никогда не контролировала его учебу, не ходила на собрания в школу, не проверяла, как он реально учится и на какие такие курсы ходит. Она отдала распоряжения, где, чему и как надо учиться, и жила себе в полной, стопудовой уверенности, что сынок выполняет ее указания.

Никита, когда мама объявила, что выбрала для него вуз и профессию, лишь кивнул привычно: мол, ага, понял, как делал всегда на очередное мамино указание-воспитание. И, окончив школу, даже подал документы в университет, как и распорядилась матушка. Но тихой сапой, сам себе режиссер собственной жизни, подал документы и во все театральные вузы Москвы, прошел туры прослушивания, причем во всех вузах удачно прошел! Во парень! Алиса восхищалась и офигевала каждый раз, сталкиваясь с такими вот поступками и решениями младшего братца, мысленно, а частенько и реально аплодируя тому.

Так вот, из всех вузов Никита выбрал Щукинское училище. Поступил, принес домой и предъявил маме выписку из приказа о поступлении, мирно так сообщив:

– Если в актерском не получится, тогда уж пойду в МГУ.

Эмма Валентиновна, понятное дело, в шоке по колено! Глаза на сына вытаращила, хлопая ресницами, на какое-то время лишившись дара речи, что случалось с ней крайне редко. А сынок спокойно так из пальчиков ошарашенной маменьки документик вытащил и удалился в свою комнату, усевшись за комп рубиться в какую-то ходилку-стрелялку в онлайне.

Надо отдать должное Эмме Валентиновне: с потрясением она справилась очень быстро и уже вечером обзванивала всю родню и друзей, с гордостью сообщая потрясающую, разумеется, Грандиозную новость:

– Поступил! И не куда-нибудь, в Щукинское! Я же говорила, что мальчик талант необыкновенный и одарен сверх меры. Из него непременно выйдет великий актер, великий!

Тут же забылось напрочь и навсегда, что еще утром, по ее предыдущему плану и прикидкам, из мальчика должен был непременно получиться великий математик, физик, известный ученый с мировым именем. Вчерашний день, омытые камни, неактуально! А посему и не интересно ни разу.

Теперь у Эммы Валентиновны поменялась жизненная концепция!

Требовалось срочно и немедленно придумать, как помочь ребенку учиться и делать блестящую карьеру. Для начала требуется наводить подробные справки и налаживать связи, чтобы мальчик попал в достойный театр. Господи боже – еще же и кинематограф! Надо, чтобы Никиточку непременно снимали в кино! Так, кто там у нас сейчас считается самым модным и достойным режиссером? Желательно с мировым именем.

То есть у мамы образовалось поле непаханое забот-хлопот для продвижения сына к «Золотой маске» и «Оскару», чего уж мелочиться!

И она погрузилась в недра интернета, изучая всю подноготную сторону актерской жизни: смотрела часами интервью известных, ведущих актеров, читала автобиографии тех, кто себя увековечил в воспоминаниях, специально ходила на собеседование в Щукинское училище, разговаривала со студентами старших курсов. И выяснила, что, оказывается, студенты-актеры практически живут в своих училищах, а когда все же приходят домой, то и там продолжают заниматься: ставить всякие этюды и сценки, отрабатывать движения и навыки, учить тексты и так далее. Но самое важное и главное в этом процессе – что они постоянно в работе, в учебе, в тесном общении друг с другом и наставником.

Так! Поняла Эмма Валентиновна: ребенку срочно требуется отдельное жилье. Это раз. И квартира ему нужна рядом с училищем. Это два.

Ну а три, и это не очень хорошее три, – она придумала, как сие осуществить!

Когда Эмма Валентиновна первый раз собрала для оглашения «приговора» всю родню и объявила о своей задумке, возмутился даже уравновешенный Никитос:

– Ма, тиранить прадедов – это совсем беспредел какой-то. Мне это отдельное жилье не сдалось, я не просил.

Он на самом деле не просил. Он вообще никогда ничего и ни у кого не просил, а у мамы особенно. Она все «его желания» благополучно придумывала и осуществляла сама. Никитка принимал, привычно не споря, а какое-то время спустя мог и продать через интернет то, что ему ни за каким фигом не сдалось, или вернуть в магазин. Деньги возвращал маме, объясняя просто, скупо и

незатейливо:

– Не подошло.

Или еще как отговаривался. Она не расстраивалась и не возмущалась: ну не подошло ребенку, придумаем что-нибудь другое, более насущное.

Как-то так. Он, вообще, на самом деле необыкновенный пацан, уникальный, Алиса каждый раз поражалась его поступкам, его своеобразно устроенному мышлению. И тому, как при такой удушающей материнской любви он умудрился стать настоящим цельным человеком, глубокой интересной личностью. Может, они с бабушкой и дедом помогли как-то?

Ладно, о переезде.

Итак. Никитос возмутился – к идее с квартирой он не имел ровно никакого отношения, его и так все вполне себе устраивало, это была целиком и полностью инициатива Эммы Валентиновны. Как водится. Ну и тут уже выступила-таки и Алиса.

– Я так понимаю, их мнением ты не поинтересовалась, – не спросила, утвердила она.

– Ну вот, мы же сейчас обсуждаем все вместе этот вопрос, – раздражилась мама, указав на бабушку с дедом, сидевших плечом к плечу, словно сплотившись перед бедой грядущей.

– Мы не обсуждаем, ты просто ставишь нас перед фактом, – уточнила Алиса. – А ничего, что они пожилые люди и для них любые перемены, тем более переезд из дома, в котором прошла вся их жизнь, из родового, так сказать, гнезда, где жили еще бабушкины родители, это не просто стресс, это разрушительно для их физического и морального состояния.

– Ну они же не в другой город уезжают и не к чужим людям, – раздражилась пуще прежнего мама от необходимости объяснять дочери элементарные вещи и вообще что-то объяснять, когда она все продумала, решила и уже мысленно исполнила. – У нас большая квартира и не так далеко от их, как ты изволила

выразиться, родового гнезда, даже ближе к их любимому рынку. К тому же первое время я, скорее всего, поживу с Никитой. Им тут будет хорошо.

– А ничего, что я тоже живу в той квартире и там прописана? – полюбопытствовала как бы между делом Алиса.

– Ну-у-у… – Эмма Валентиновна посмотрела на дочь задумчиво, будто только сейчас увидела, что-то там прикинула у себя в голове и пожала плечами. – Поживешь с нами.

– С вами? Поживу? – повторила за ней Алиса, подчеркнув интонацией-нажимом вопрос, и посмотрела иронично на мать, наигранно восхитившись: – О как!

– А что такого? – агрессивно отреагировала на иронию дочери Эмма. – Тебя же постоянно нет, ты в своих экспедициях пропадаешь и преподаешь до поздней ночи! Можешь и с нами пожить. Ну или что-нибудь придумаешь, – чуть скривившись от недовольства, отмахнулась она, мгновенно переключаясь на более важные моменты.

Нет, Алиса давно не обижалась на мать. Ну, почти не обижалась.

Когда она стала жить с бабушкой и дедом, бабуля Римма Тихоновна настояла и лично отвела внучку к хорошему психологу, который помог девочке разобраться со своими обидами на маму, претензиями и несбывшимися ожиданиями. Хотя, как ни странно, особых обид у Алисы на мать не имелось, по крайней мере, таких, из которых вырастают большие, непоправимые комплексы и проблемы. Она довольно рано поняла, в чем ей очень помогли разобраться бабушка с дедом, да и папа, что Эмма – она вот такая, и ничего с этим невозможно поделать. И никто в этом не виноват – просто такой человек, и все. В общем, Алиса не обижалась на мать. Почти. Бывало, в подростковом возрасте, в особо тяжелых случаях разрушительного материнского эгоизма, ее все-таки цепляло, порой даже всерьез цепляло. Не то чтобы она была нелюбимой или притесняемой дочерью для мамы, но-о-о… Как бы это сформулировать?

Мама… это мама.

Это отдельная и непростая тема, как и ее отношения с Алисой.

Если вкратце, то…

У Эммы имелась определенная жизненная концепция: она выбирала мужчину, некий объект для любви, благополучно его прибирала – и начинала вот Любить и Служить, позиционируя себя Женой Великого Человека. Все обязательно с больших букв, эдак… величественно, значимо, монументально. Так ей это виделось-представлялось. Любовь в тех отношениях оставалась под большим вопросом – или вообще без вопросов, ибо больше всего на свете Эмма любила себя в той придуманной и выбранной ею для жизни роли.

Видимо, все же Никитосу актерское дарование от маман досталось. Эмма постоянно, ежеминутно как бы наблюдала за собой со стороны – достаточно ли она жертвенна, достаточно ли хороша для жены Такого Человека, как она выглядит в этой Великой Любви и Жертве? А выглядеть требовалось великолепно, она ж не хухры какие-то там мухры – а служит Таланту. То есть такой бесконечный театр одной актрисы, где она внутри своей главной роли-ипостаси – Жены и Музы гения.

Такой вечный бенефис. Блистать – вот ее задача и актерское «зерно».

Наверное, всем жилось бы немного полегче, если бы маму хоть иногда можно было лишить «подмостков», не позволяя работать на публику, но проблема состояла в том, что публика как таковая ей особо-то и не требовалась – самой благодарной и восторженной публикой Эммы была она сама. Поэтому и находилась постоянно, что называется, «в роли». А это не истребимо ничем.

Как-то так. И хоть «гениев» Эмма тщательно подбирала-выбирала, но долго те, как правило, в ее жизни не задерживались. Эммочка довольно быстро разочаровывалась, уставая ждать, когда же муж наконец станет известным ученым, деятелем государственного уровня и признанным мировым светилом. И принималась за поиски нового объекта для любви и служения.

Кстати, ни разу никто с крючка ее внимания не соскочил и никому из мужчин не удалось уйти нетронутым, если Эмма положила на него глаз. Уж больно хороша была Эммочка! Красавица, такая утонченная, изысканная, притягательная – мужчины влюблялись до одури на свою беду.

Во втором ее браке родилась Алиса. Первые годы жизни Алисы Эмма обожала дочь и, понятное дело, видела в ней гениальную, одаренную личность. Ну а как, кого же еще? Но когда и отец Алисы не сделал стремительной карьеры, которой от него ожидала жена, и не пробился в ряды академиков, Эмма вскорости развелась и с ним. И все ее буйные чувства к дочери как-то быстро сами собой поугасли, трансформировавшись в тихие, ровные и спокойные, без особой привязанности. Алиса все больше времени проводила то с мамиными, то с папиными родителями, перекидываемая мамой из одного дома в другой.

А вскорости Эмма вновь вышла замуж и Алису практически перестала замечать, считая дочь с семилетнего возраста человеком самостоятельным. Собственно, так оно и было, ибо Алисе невольно приходилось самой заботиться о своих нуждах, делах и проблемах, поскольку маме в ее новой жизни оказалось не до дочери.

Ну а когда родился Никита, Эмма просто отправила Алису жить к своим родителям, чтобы та не диссонировала непонятным объектом в идиллической картинке ее нового, счастливого семейства, где муж будущий академик, она великолепная молодая жена академика, а их ребенок гениален и необыкновенен. Картинка с выставки.

Впрочем, Алисе было тогда уже четырнадцать лет, и она давно стремилась перебраться к бабушке с дедом, устав от закидонов мамы и ее отношения к дочери. Только Эмма дочь не отпускала, это испортило бы имидж идеальной семьи, в которой непременно должен быть ребенок, пусть и не родной ее мужу. А поскольку с рождением Никитки семья обрела, так сказать, полную упаковку, то – иди доченька, свободна.

Отца Никитки, «будущего академика», не оправдавшего надежды, Эмма выперла из своей жизни и квартиры лет через пять, а вот сын стал для нее единственным человеком на земле, которого она по-настоящему, на этот раз без всякой игры и дураков, совершенно беззаветно, бесконечно любила, да что там любила – обожала!

А дочь? Какая дочь? Ах да, дочь, ну она сама со всем справится.

Алиса и справлялась. И, как ей казалось, вполне себе неплохо. Нет, ничего трагично-печального, она все-таки не сиротинка брошенная, не стоит забывать,

что у нее имеется вполне себе вменяемый и любящий отец, а также бабушки с дедушками, которые ее всегда поддерживали и помогали при необходимости.

А тут здра-а-асте вам – поживешь с нами! Это как?

А это так, что всем, кто находился за столом в тот момент, стало совершенно очевидно, что о наличии дочери в своих грандиозных раскладах Эмма Витальевна как-то позабыла ненароком, лишь сейчас вспомнив о столь неожиданном препятствии на пути к воплощению своей Идеи. И тут же, с ходу, нашла самое простое и, с ее точки зрения, замечательное решение: ну а что, если Алису деть некуда, значит, та будет жить вместе с ней и стариками. Что вы ей голову морочите, это же все такая ерунда, при чем тут Алиса – главное, у Никиты будет отдельная квартира!

М-м-м-м, как бы так сказать помягче? Ясный пень, что Алисе с мамой жить вместе не рекомендовалось категорически. Они настолько не монтировались рядом, ну совершенно, то есть абсолютно, что это невозможно было представить даже теоретически. Алисе всегда казалось, что она как-то слишком далеко укатилась от этой «яблоньки». Настолько далеко, что непонятно, того ли она вообще сорта яблочко или какого-то другого.

Не «гольден» какой-то совсем.

Но, если честно, жить вместе с Эммой Валентиновной, мягко говоря, могли очень немногие. Наверное, ее родители, правда, весьма ограниченное время. Во-первых, потому что дедушка умел иногда приструнить дочь, когда та «края» переставала видеть и заносило ее за границы дозволенного. Умел суровенько одернуть, по-отцовски, и бабулю в обиду не давал. А во-вторых, они умели как-то отбояриваться от большинства прожектов Эммы, последнее время все чаще прибегая к запрещенным приемам под названием «стариковская немощь» и где-то там маячившая, напоминая о себе слабым соображением, легкая «возрастная деменция».

Старички были вполне крепкими и бодрыми, а уж по живости ума фору могли дать многим молодым да юным, не обгонишь. Но, странное дело, их актерские «отмазки» все чаще, что называется, «проканывали» у дочери, то бишь срабатывали без осечек, чем Валентин Семенович с супружницей своей Риммой Тихоновной беззастенчиво пользовались при любом случае. Да и приловчились

они давно ко всем сложностям нрава и «взбрыкам» дочери, не пойми в кого пошедшей характером и дурью.

– Какой-то ген приблудный затесался, попортил породу, да вот «выстрелил» так неудачно девочке в амбиции, – вздыхала и качала головой бабуля.

И по этой причине, понимая, что тут уж ничего не исправишь, раз оно такое вот уродилось, с «простреленными амбициями», они пропускали многое «мимо нервов», как опять-таки говаривала бабуля.

Понятное дело, что еще с Эммой Валентиновной с большим комфортом и удовольствием уживались мужчины, которым та поклонялась и «служила», но только тот период времени, пока выбранный и назначенный на эту роль объект оставался для нее Гением, Талантом и неопознанным пока Мессией. А поскольку время это заканчивалось достаточно быстро, после чего «великий талант» пикировал с пьедестала, свергаясь ниже его подножия, и резко становился пустым обманщиком и мерзавцем, удаляемым из личного пространства, то более жить с ней бывшие мужья не имели никакой возможности.

Лучше всех, да, пожалуй, единственный, кто умудрялся неплохо уживаться с Эммой Валентиновной, был Никитос, благодаря выработанной им жизненной стратегии и тактике общения с маман.

Алиса же относилась к той части родственников, которая предпочитала держаться от мамы на расстоянии. Большом. В идеале – недосягаемом. И оттуда, откуда-то из дальних далей, тихо-спокойно ту все-таки любить.

Что и воплощала благополучно в жизнь долгие годы.

А тут – «поживешь с нами». Ха-ха и еще раз ха.

– Риммочка, Алиса, – поднимаясь из-за стола, обратился к жене и внучке Валентин Семенович, – поехали домой, девочки.

– Папа! – возмутилась Эмма. – Мы обсуждаем серьезный вопрос!

– С кем? – прищурившись, жестко и резко спросил Валентин Семенович, повысив голос. – Мне показалось, ты ставишь нас в известность о своих решениях, а разговариваешь сама с собой, поскольку наше мнение тебя мало волнует.

– Папа! – попеняла отцу дочь.

– Что «папа»? – пожал тот плечами и старательно изобразил наивный взгляд. – Нет, мне просто интересно, как ты собираешься продавать нашу квартиру, если ее половина принадлежит Алисе, про которую ты забыла? А? Ты у дочери спросила, она-то согласна на то, что ты выкидываешь ее на улицу?

– Я не забывала! – вскинулась Эмма, несколько смутившись. – Я знаю, что Алиса мне не откажет.

– Откажу, – спокойным, ровным тоном произнесла Алиса, поднимаясь из-за стола вслед за дедом, и, демонстративно игнорируя опешившую мать, поддержала предложение дедушки: – И правда, бабуль, поехали домой.

– Как это откажешь? – растерялась совершенно Эмма Валентиновна.

– Легко, – объяснила Алиса и обратилась к брату: – Никитос, поехали к нам, бабуля пирог испекла свой фирменный.

– Мам, мне не нужна квартира, зря ты все это придумала, – произнес мирно-спокойным тоном Никита, поднимаясь со стула и помогая встать из-за стола бабуле. – И Алису обидела. – И без перехода сообщил: – Ага, я с вами. Хочу бабулин пирог.

Такого отпора, такого заговора против себя Эмма не ожидала и даже представить не могла! Это как? Что значит – Алиса ей откажет? Как она может отказать, когда Эмма все уже решила и распланировала? Она переводила ошарашенный взгляд с одного на другого родственника и никак не могла поверить, что ей вот так отказали! Ей?!

Демонстрация родных была доведена до логического конца и идеально выдержана интонационно: Алиса с Никитой и дедушка с бабушкой, более ничего не говоря, не перекинувшись даже словечком между собой, собрались и ушли из

дома, оставив пораженную и обескураженную до невозможности Эмму Валентиновну приходить в себя.

Но итог их единодушного порыва, решительного отпора и столь яркого сопротивления был неутешителен: бабушкину с дедом квартиру все же продали. Замешкавшиеся на пути литерного поезда «Жигули» никто не отменял – не мытьем, так катаньем, посредством переговоров, принятия некоторых компромиссов, противовесов и уступок, Эмма Валентиновна добилась-таки своего.

Все. Дело сделано.

Полученные с продажи «родового гнезда» деньги честно поделили пополам между Алисой и Никитой. Зато данный компромисс с родителями и дочерью дорого обошелся отцу Никиты, Эдуарду Всеволодовичу, и его родне: Эмма благополучно стрясла с них недостающую сумму для приобретения квартиры сыночку. Алиса подозревала, что родня та еще бы и доплатила сверху, только бы не иметь никогда больше никакого дела с бывшей родственницей. Но Эмма не стала их дожимать – мальчику еще учиться, становиться на ноги, делать карьеру, мало ли что может понадобиться – и отпустила, что называется, с миром. Пока.

А Алиса? А что Алиса. У деда с бабулей была прекрасная квартира и, кстати, тоже в центральной части Москвы, только не в той, которая понадобилась Эмме, так что выручили они прилично за «родовое гнездо». И Алиса вполне могла за те деньги, что ей причитались, приобрести неплохую квартирку на окраине и даже в новострое каком. Вот только не бывает идеальных решений.

Она, на минуточку, все-таки работала, и работа ее была совсем не простая и далеко не нормированная. И зависала Алиса Юрьевна на своей работе частенько до такого поздна, что на ту окраину только на такси и доберешься.

По-хорошему, ей бы тоже не мешало подобрать жилье поближе к институту, в котором она трудилась. Но стоило это…

Ну, без подробных объяснений ясно, сколько стоит найти приличную квартиру, в которую можно сразу въехать и жить в том районе, который бы прекрасно ей подошел. Но Алисе совершенно необычайным образом свезло. Чуть ли не чудо

какое привалило.

Всеми вопросами продажи и покупкой новых квартир с большим энтузиазмом и азартом взялась заниматься сама Эмма Валентиновна, направляемая и консультируемая профессиональным, толковым риелтором.

И вот просматривает она варианты квартир в «Циане», как вдруг прямо у нее на глазах выставляют на продажу интересное предложение и за странно низкую цену. Отринув всякие сомнения и практически не задумываясь, Эмма Валентиновна немедленно набирает указанный в объявлении телефон и с ходу сообщает:

– Мы берем. Аванс готовы выплатить прямо сейчас.

И только пото-о-о-м, после того как договорилась о встрече, она позвонила риелтору, который ругался до небес, объясняя Эмме, по каким причинам, кто и какие квартиры выставляет ниже рыночной стоимости. Стенания риелтора она проигнорировала, распорядившись немедленно ехать на встречу с продавцом, и только тогда позвонила дочери, ну так, полюбопытствовать, подойдет ли той вообще такая квартира. Мелочью типа банального вопроса, где дочь возьмет необходимую для покупки сумму, Эмма не грузилась – это же Алиса, она справится. Ну придумает что-то, а не справится, так откажется от сделки и вернет аванс.

Вот уж точно это не проблема Эммы.

Алиса не отказалась и аванс не вернула. Во-первых, потому что ей некогда было продолжать ездить по разным адресам и что-то там смотреть, подбирать, да и вообще заниматься всей этой суетой, которая и без того ужасно ее напрягала, отвлекая от дела. А во-вторых, ее решение определил тот немаловажный факт, что квартира располагалась совсем недалеко от проданного ими «родового гнезда», в соседнем районе. И именно в этом районе Алиса оканчивала лицей, и все ей там было знакомо, удобно, привычно и полно воспоминаний… Разных. Хороших и теплых в основном. Был и еще один повод, сподвигнувший ее сразу же согласиться на покупку, но такой… из области эмоционально-чувствительной, из тех самых теплых воспоминаний.

К тому же до института, в котором она служила науке, близко и добираться удобно – всего пара станций метро, а если на машине, то прямо по проспекту, никуда не сворачивая. Ну и сама квартира в идеальном состоянии, с прекрасным дизайнерским ремонтом. Правда, совершенно пустая, если не считать встроенного, можно сказать вмурованного в стены кухонного гарнитура и нескольких вычурных люстр.

Так что она не стала думать-сомневаться, искать еще что-то более подходящее. Да куда еще более подходяще-то? Алисе уже и так до невозможности надоела вся эта суета, затеянная мамой, вот совершенно никуда не встраивалась и ломала рабочие графики и жизнь. У нее проект, конференция, на которой она выступает с докладом, – какие, к лешему, переезды, обмены-продажи? Вдобавок ей пришлось взять отпуск, чтобы разделаться с этой засадой, и отпуск тот тоже вот никуда – ни два ни полтора: вместо единственной, нормальной возможности раз в году отдохнуть и съездить на море летом она завязла в квартирных вопросах зимой и в начале весны, да и проводила его в основном на работе, засиживаясь допоздна.

В общем, понятно: надо брать, да еще и по сниженной цене… только вот на что брать, вопро-о-о-ос…

Помогли папа и родственники с отцовской стороны, подкинув, сколько могли насобирать, деньжат, небогато, но тоже подспорье. Ну и… банк с ипотекой.

Как там было в КВН? «Зато теперь мы живем в отдельной, нашей с банком, квартире». Вот как-то так.

И теперь, когда все произошло, сделка проведена и назад дороги нет, пришлось Алисе самой, без чьей-либо помощи, собирать и паковать вещи, как свои, так и бабушки с дедом.

«Охо-хо-шеньки-хо-хо…» – вздыхала она тягостно своим мыслям, окидывая тоскующим взором открывавшийся перед ней фронт, так сказать, предстоящих работ.

С ее наукообразным типом мышления, закрепившимся в сознании уже на уровне устойчивого рефлекса, Алиса систематизировала и упорядочила процесс сбора вещей, чем усложнила себе жизнь необычайно.

И, приступив к сборам, ворчала и ругала себя почем зря, упахиваясь этими сборами до незнамо чего. Нет бы позаталкивать все подряд, разбив-отсортировав лишь по основным критериям принадлежности: ее вещи и дедули с бабулей – носильные (зимние-летние), кухонные, хозяйственные… Ну где-то так! И разобралась бы уже на новом месте без спешки и торопливости, тем более время, отведенное на сборы, конкретно поджимает.

Да сейчас! Это не наш путь – мы ж ученые, етить нас в диссертацию!

У нас же въевшийся с пирожками из университетского буфета навык следования особому протоколу проведения учета, сортировки и идентификации исследуемых образцов по четко определенной схеме и порядку.

Для каждой коробки Алисой был составлен список сложенных в нее вещей в двойном экземпляре, а сама коробка пронумерована и внесена в общий реестр под присвоенным ей номером. Один список клеился на коробку, второй экземпляр подшивался к общему каталогу.

Она решила начать сборы с вещей бабушки и деда, что было вполне логично: они уже перебрались к дочери и пытались налаживать жизнь, устраиваться, и вещи в этом непростом процессе им требовались прямо сейчас. Когда Алиса добралась до мелочей, до давно позабытого скарба, хранившегося где-то по углам и схронам до «лучших времен», «про запас» или «на всякий возможный случай», как в любом уважающем себя доме, – ей пришлось то и дело связываться с бабулей по видеосвязи, демонстрировать очередную «нужную» штуку и выяснять: брать или ну ее – отдать в правильную организацию, вывозящую всякое старье, которого она уже собрала несколько больших коробок.

Но в какой-то момент Алиса себя остановила, прекратив это видеосовещание. Во-первых, так она будет собираться до морковкиного заговения, а во-вторых, и в самых главных, бабушка нервничала, расстраивалась, вздыхая над каждой вещицей, иногда и слезу пускала. Им с дедом и так непросто дался этот переезд и расставание с отчим домом, не стоит их мучить еще и непростым процессом сортировки. Остается только радоваться, что старикам не приходится заниматься всеми этими сборами и прощанием с любимыми вещами. Они хоть и бодрые, но сердца-то у них не железные.

Вы реально представляете, каким количеством шмотья обрастает человек за свою жизнь?! Казалось бы – живу чуть ли не в аскезе, довольствуясь малым. Ага! Малым! Как копнешь по углам – обалдеешь! Откуда что взялось? Залежи! И все, до последней мелочовки и магнитика на холодильнике, связанно с какими-то воспоминаниями, с чем-то важным, с вехами жизненного пути, с людьми, прошедшими через эту самую жизнь, с любовями, расставаниями, с тихой печалью-грустью и безудержной радостью, с праздниками, днями рождениями, с победами-поздравлениями…

Господи боже, ну как это все… Как это все разделить, как решить, что важно, а что да ладно, пускай и не очень жалко? Ну как?

Алиса зависала над какой-нибудь памятной вещичкой, вспоминая связанные с той события, словно проваливаясь в прошлое. Например, над одним из старых фотоальбомов, в котором бабуля с любовью и тщанием собирала фотографии Алисы в разных возрастах и ситуациях и подписывала своим прекрасным почерком, датировала, а в скобочках давала комментарии…

Вот Алисе месяц от роду – оре-о-от, кулачки сжаты, ужасно недовольна. Вот полгодика, и она с увлечением грызет спинку стула, игнорируя все призывы взрослых посмотреть в объектив камеры, вот первый поход в садик – испуганная, настороженная, но решительная. Смелая девочка. Перелистнула несколько страниц – юношество, ей четырнадцать, первые дни в лицее, в новом классе. Такая смешная фотка: Сосновский над чем-то хохочет, Любавина недовольно морщится, глядя на него, Титова с любопытством откровенно рассматривает Алису, а Денис…

Так! Захлопываем альбом – некогда ностальгировать. Что у нас там дальше? Спортивный инвентарь? Господи боже, вразуми меня недогадливую – вот на хрена бабуле с дедом старые допотопные коньки со шнуровкой, правда, в хорошем состоянии, почти не ржавые. Бабуле позвонить, что ли, или втихаря отправить их в следующую, быстро заполняющуюся коробку с вещами, что на благотворительный вывоз?

И так бесконечно. Это реально изматывало не столько физически, сколько морально, словно тихонько плакала душа, прощаясь с былой жизнью, понимая, что ничего уже не вернуть назад – ни тепла и уюта этого дома, ни всей прожитой в нем жизни, ни своего детства и отрочества, ни воспоминаний, что питали их особую, необыкновенную энергию…

И становилось так… пусто, что ли, так холодно, бесприютно и сиротливо, словно прошла жизнь и нет больше на земле того единственного мирного, тихого уютного уголка, в который Алиса возвращалась из любых далей, из всех тяжких и трудных экспедиций, точно зная, что здесь любима, что здесь ее с нетерпением ждут, считают дни и минутки до ее возвращения, защитят и отогреют от любой беды, горя и усталости, а родные запахи и стены этого убежища укроют от всякой житейской напасти.

А теперь все – больше нет у нее приюта. Словно осиротела.

Это было реально больно, больно до слез, которых никто, кроме старых стен любимого дома, не видел, да вон еще чучела совы, подаренного деду его учеником, глядящего на нее сочувствующим взглядом желтых пластмассовых круглых глаз. И куда его? Алиса шмыгнула слезливо носом, крутя в руках ветку с сидящей на ней совой. В благотворительность? Дедушка расстроится, ученика того он любил, из него потом целый профессор вышел, дедулю помнит, поздравляет с днем рождения и Днем Победы. Да и к чучелу этому дедушка привык…

Нет, не готова пока сова к благотворительности, поедет в новое место проживания, вздохнула Алиса, пристраивая чучело в коробку номер тридцать три, внесенную в реестр под определением «Подарки-сувениры».

Вот так. Печально…

Ей казалось, что она никогда не соберется. Пришлось даже уговаривать новых хозяев квартиры перенести момент их заселения на пару дней. Ночами не спала – измотанная, вся в пыли от вещей, скопившихся по закромам антресолей и дальним углам-закутам, на нервах от процесса перевозки сразу на два разных адреса – к маме и в свою новую квартиру. И все одна – без помощников, не нашлось добровольцев.

Маман? Смешно: ха-ха, она свою идею воплотила, всеми правдами-неправдами добилась, чего хотела, а последствия вы уж сами разгребайте. Да и мама – и что-то реально делать? Даже не смешно, не юмор.

Но, честно говоря, давно привыкшая со всеми своими проблемами и делами справляться сама, Алиса ни к кому за помощью и не обращалась. Правда, Никитос предложил себя в помощники, да только чем он мог помочь – вещи сортировать? Он и сам перебирался на новое место жительства.

А потом начался суматошный переезд – быстро, быстро, быстро! Со всех сторон поторапливают – новые жильцы уже свои вещи заносят, она свои вывозит. Но и после суматошного водворения в теперь уже свою квартиру спокойствия, отдыха и времени перевести дух и хоть как-то освоиться, осмотреться в новых реалиях Алисе не перепало. Требовалось завершить все документальные оформления, прописаться на новом месте, да много еще какой суеты.

Для начала, например, не мешало бы элементарно купить кровать, чтобы на чем-то можно было нормально спать. И диван хотелось бы, и шкафы для книг, и… Со старой квартиры Алиса привезла свой модерновый рабочий суперстол, сделанный под заказ, на котором свободно и удобно размещались большой монитор с ноутбуком, а под столом – дополнительный блок питания (в том числе и автономного) и навороченный, крутейший процессор. Ну и, разумеется, офисное кресло в комплекте к столу – не менее крутое и не менее индивидуальное, также сделанное на заказ специально для нее. И еще немного мебели: комод, пару новеньких стеллажей для документации, несколько стульев и небольшой журнальный столик. Остальная мебель отправилась к бабуле с дедулей.

Так, значит, будем обзаводиться мебелью. Что у нас первым пунктом? Правильно – кровать. Хотя, собственно, не она была столь важна сама по себе, а матрас, который Алиса выбрала без затей и заморочек – самый лучший, в одной из крутых специализирующихся на ортопедических матрасах и подушках фирм. Дорогой, зараза, но он того стоил. За время, проведенное в экспедициях, Алиса так намаялась на разных походных кроватях, полатях и лежанках, а порой и просто в спальном мешке в палатке, что давно держала в голове конкретную четкую установку: у нее просто обязано быть самое удобное, самое приятное и ласковое ложе для сна, в которое падаешь – и ты в раю на облаке, обволакивающем и нежно поддерживающем тебя со всех сторон.

И уже через неделю, впервые оставшись ночевать в своей новой квартире, блаженствовала в новой кровати, на замечательном матрасе, воплотившем все ее мечты о счастливом, уютном сне.

Ну как блаженствовала – пока только привыкала.

На следующий день после кровати доставили и новый холодильник, который неплохо бы было использовать по назначению, а именно – охлаждать продукты для их более длительной сохранности. Продукты, которые не мешало бы купить. Вообще-то, много чем требовалось обзавестись, и логичнее и проще всего заказать доставку, тем более список необходимого Алиса составляла всю последнюю неделю, каждый день внося в него новые дополнения.

Но, подумав, решила, что, пожалуй, повременит с заказом. Завтра она уезжает на Байкал на научную станцию, проводить важные исследования по своей теме, и заниматься сегодня хозяйственными проблемами и мелочами не было никакого настроения, желания, да и элементарно времени и сил.

Честно говоря, измотала ее вся эта суета с переездом до незнамо чего – выше головы. Реально достало. И заморачиваться в данный момент еще и какими-то закупками – нет уж, хватит, она даже холодильник не стала включать. А смысл? Решила сходить в ближайший супермаркет, благо таковой имелся недалеко от дома, купить что-нибудь на ужин и кое-что в дорогу, так, по мелочи.

Ага. Вы много знаете таких правильно-продуманных граждан, которые, посещая огромный супермаркет, ограничиваются тремя-четырьмя покупками строго по составленному заранее списку – и ни-ни больше!

Ну, а то ж. В принципе, когда ей требовалось, Алиса вполне умела ограничиваться покупками, которые наметила заранее, ну и «что-нибудь к чаю», но не более двух наименований. Ну ладно, иногда трех. Да легко – ученые мозги и рефлексы не подводили. Но сегодня вечером как-то расслабилась, первый раз за последние суматошные полтора месяца вдруг почувствовав и осознав, что глобальное, казавшееся вначале неподъемным дело таки сделано и завершено, можно уже никуда не бежать, не торопиться, отпала необходимость решать сразу сто дел одновременно. Вот и бродила неспешно между рядами с продуктами, прикидывая, что бы такого себе приготовить, чем порадовать-побаловать.

– Мне вот этот кусок.

Рассматривая продукцию за стеклом огромного рыбного отдела, Алиса услышала вдруг знакомый голос и даже вздрогнула от неожиданности.

Или это у нее глюки, что ли, от усталости? Она ведь последние дни часто его вспоминала и вот только что, прямо сейчас, думала именно о нем. Подалась немного вперед к витрине, посмотреть… Нет, не ошиблась. И не глюки. Действительно он, через три человека в очереди перед ней покупает стейки семги.

Она стояла, смотрела, как он принимает у продавщицы пакет с рыбой, как кладет его в тележку и, покатив ту впереди себя, медленно отходит от прилавка. Алиса не сводила с него глаз, как завороженная, и чувствовала странное, какое-то искристое, щекочущее тепло, образовавшееся в груди и медленно растекающееся оттуда по всему телу. Даже жарко стало.

Конечно, он ее не заметил – шел вдоль отдела кулинарии, рассматривая выставленную в витрине продукцию, а Алиса все провожала его взглядом и не могла никак решить: подходить или нет?

– Девушка, вы будете двигаться? – спросил недовольным тоном мужчина, стоявший за Алисой в очереди.

– Да, – ответила ему и себе, отходя от стеклянной витрины.

Да, она будет двигаться. А, собственно, в чем дело-то? Почему не поздороваться с хорошим человеком и давним другом? Очень давним.

И, наддав шагу, двинулась ему вдогонку.

– Денис! – радостно улыбаясь, окликнула она мужчину.

Услышав окрик, тот замер на какое-то короткое мгновение и, резко обернувшись, чуть прищурившись, посмотрел на приближавшуюся к нему девушку.

– Привет, Ёлкина, – не фонтанируя, прямо скажем, особой радостью от встречи, дежурно улыбнувшись, поприветствовал он.

– Ты что, Кедров, не рад меня видеть? – как прежде, мгновенно прочувствовала его настроение Алиса.

– Отчего же, – возразил тот, добавив чуть больше тепла в улыбку и голос, – рад, просто не ожидал тебя встретить. – И грамотно соскочил с темы: – Прекрасно выглядишь, Ёлкина. Как всегда, красавица!

– Стараюсь! – рассмеялась Алиса. Она испытывала какую-то замечательную, светлую радость от этой встречи и рассматривала его с удовольствием. – Ты тут в гостях у бабушки?

– Бабушка умерла, – посуровел лицом Денис.

– Как?! – обескураженно воскликнула Алиса, мгновенно расстроившись, машинально прижав ладошки к губам, и переспросила-выговорила потрясенно, всматриваясь ему в лицо: – Как? Она же не старая совсем?

– Да, не старушка. Три года назад инсульт у нее случился. Всего семьдесят три года ей было, – пояснил Кедров.

– Как же так? Бабушка Анюшка умерла? – все прижимая ладошки к лицу, не замечая, как наливаются слезами глаза, попеняла она вдруг Денису, словно тот мог что-то поделать или как-то исправить это горе. – Ну как такое возможно? Она же такая замечательная, такая светлая… Чудесная! Я ее так любила…

– Она тебя тоже любила, – с промелькнувшей и быстро угасшей улыбкой ответил он.

– Господи, как же жалко! – все не могла отойти от потрясения и расстройства Алиса. И вдруг спросила: – И что ты здесь тогда?

– Я теперь здесь живу, – отчего-то не стал уклоняться от прямого ответа Кедров.

– В ее квартире? – уточнила Алиса, смахивая все же выкатившиеся слезы с глаз.

Но, справившись с первым потрясением, быстро взяла себя в руки, успокоилась немного.

– Да, – коротко ответил Денис, сразу же пожалев, что зачем-то сказал ей про свое место жительства.

Хотел было задать встречный вопрос о том, а что ее занесло в эти края, но девушка его опередила.

– Тогда мы соседи, – улыбнулась она сквозь грусть. – Я теперь тоже здесь живу, в двадцать девятом доме, через два от твоего. – И помрачнела, признаваясь: – Все думала на днях бабушку Анюшку навестить, да с переездом этим, суетой все некогда было. Теперь вот и не навестишь…

И вдруг, как-то внезапно и совершенно неожиданно – для себя, для него, – расплакалась. Как, почему, с чего бы уж так-то расстраиваться? Но что-то перехватило в горле, и полились слезы, так вдруг жалко и тяжко стало, и…

Да что такое-то?!

Она резко отвернулась, прикрыла глаза ладонью, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, в горле хлюпало, и что-то тихонько поднывало у сердца… Она ведь на самом деле думала о бабушке Анюшке, когда соглашалась на эту квартиру, радовалась и дивилась, что так ей свезло, что теперь будет рядом с ней жить, и собиралась в гости…

– Э-э, Ёлкина, – подивился столь бурной реакции девушки Денис, – ты чего?

– Да… – махнула она рукой, не в силах что-то объяснить.

Наверное, сказалась накопившаяся за полтора месяца усталость и нервное напряжение, а может, не только полтора месяца, а все последние годы было чему накапливаться, и этот мамин кульбит, когда та очередной раз благополучно позабыла и не приняла в расчет и внимание дочь и ее жизнь, ее интересы, а может…

– Ну ты чего, Ёлкина, – уговаривающим тоном попенял Денис. Притянул вдруг к себе, так, что она уткнулась носом в куртку у него на груди, и обнял, подбадривая.

– Анюшку так жалко, – призналась слезливо Алиса. – И себя, без нее.

– Да, жалко, – согласился он и, погладив ее по голове, задумчиво добавил, повторив за Алисой: – И себя без нее тоже жалко.

Постояли. Очень искренне разделив скорбь по светлому, замечательному человеку и своему ушедшему, далекому, теплому прошлому.

Честно разделили.

– Я бы предложила тебе посидеть, вспомнить ее, помянуть, это надо обязательно сделать. – Алиса отодвинулась от груди Дениса, всматриваясь в его лицо. – И вообще поговорить. Мы ж не виделись… А сколько мы не виделись, Кедров? – призадумалась она.

– Ну так, эм-м-м… – прикинул Денис, осторожно, не резко отпуская ее и делая шаг назад. – Лет четырнадцать, наверное.

– Да неважно, – отмахнулась Алиса от точных цифр.

Хотела объяснить, почему не получится прямо сейчас, спонтанно, то самое «посидеть и вспомнить», но он ее опередил:

– Ты извини, Алис, но посидеть у нас не получится. У меня работа срочная. Занят.

И каким-то таким вдруг холодком от него повеяло, словно захлопнулись со свистом автоматические двери, обдав воздушной струей, отсекая непрошеного посетителя от теплого, уютного нутра.

– Ну ладно, – растерялась как-то Алиса от столь резкой перемены в нем, непроизвольно даже отступила на шаг, лепеча что-то невразумительное, полагающееся моменту: – Тогда как-нибудь в другой раз.

– Да, – тут же согласился и расслабился мужчина, – в другой обязательно. – И поспешил попрощаться эдаким фальшивым бодряком: – Ну, я пойду, – махнул вперед неопределенным жестом, – спешу.

И улыбнулся умеренно искренне.

– Рад был тебя видеть. Действительно великолепно выглядишь.

– Да-да, – кивнула растерянно Алиса, не понимая, что, собственно, происходит и, главное, с чего бы вдруг, да еще настолько неожиданно.

– Пока! – все фальшивил Кедров бодрой интонацией, и от этой его настолько очевидной фальшивости им обоим стало неловко.

– Пока, – задумчиво-автоматически ответила Алиса, пристально рассматривая выражение его лица.

Энергично махнув еще раз на прощанье, он двинулся вперед, толкая перед собой тележку, наполовину заполненную покупками.

– Кедров! – громко окликнула его вдруг Алиса, словно опомнилась.

Он остановился, обернулся, приподняв вопросительно одну бровь в его любимой манере: типа холодное, отсекающее удивление «Что надо?», или «Вы кто?», или «Что та-акое?» – в зависимости от ситуации. Когда-то, миллион лет назад, она сама учила его этому приему мимики, так, ради смеха, просто потому, что им было весело, и потому, что ей невероятно нравилось, как он приподнимает эту свою бровь и какое у него становится многозначительное выражение лица. Надо признать, за минувшие годы он виртуозно освоил владение приемом. В данный момент его немой вопрос определенно значил «Что надо?».

А ей ничего не надо, ей просто интересно.

– Это что сейчас было, Денис? – спросила недоуменно Алиса.

– Да… – сделал он какой-то непонятный пасс рукой, видимо, должный что-то пояснить. – Эм-м-м, что-то я так, Алиска… – не знал он, как объяснить.

А как объяснить? Себе-то толком не объяснишь, что он «так». Вернее, себе-то как раз объяснишь, а вот ей… Да и надо ли.

– …неискренне, – закончила за него фразу она, кивнув понимающе.

Ну да. Перед кем он тут что изображает? Она всегда его чувствовала безошибочно – абсолютно, как себя, словно дышала вместе с ним. И неважно, что они не виделись бог знает сколько лет, хоть десять-пятнадцать, хоть двадцать, ничего не изменилось. Конечно, он растерялся в первый момент и был откровенно обескуражен, совершенно не ожидая ее встретить, да и кто бы ожидал на его месте – они расстались в другой жизни и не виделись все эти годы, повзрослев, пройдя каждый свой путь и став другими людьми. И ему было неловко от своего замешательства, от того, что она застала его врасплох, от… еще кое-чего. И сидеть-общаться с ней он не мог совершенно точно, да и не хотел.

Не надо ему этого.

– Да ладно, Алис, устал я чего-то, – попытался объяснить он и признался: – И, честно говоря, не ожидал тебя увидеть. Растерялся немного. И того…

Что «того» и как закончить фразу, разговор, встречу на дружески-нейтральной ноте, Кедров не знал и не находил слов-интонаций. Но она его выручила. Она всегда умела его выручить в самый нужный момент.

– Иди. И не пугайся так уж, докучать тебе не стану и в гости не напрошусь, – усмехнувшись, «отпустила» его Алиса.

– Ох, Ёлкина, ты в своем репертуаре, – хмыкнул-вздохнул Денис, махнул усталым, безнадежным жестом. – Ладно, пока, действительно устал я сегодня.

И двинулся вперед.

– Угу, «рад видеть», – пробурчала себе под нос Алиса, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру и констатируя очевидный факт: – Только бежишь ты и приглашать меня в гости, хоть в каком-то там туманном будущем, все-таки не стал. Значит, что? – спросила она у самой себя и сама же себе ответила: – Значит, имеется у тебя, Кедров, в наличии либо жена любимая, либо подруга сердечная.

И, разворачивая телегу в другую сторону, проворчала:

– Надо было давно о нем справки навести, разузнать, что у него в жизни и как, Лильку Любавину расспросить, та наверняка все знает. А то такая Алиса бодрая, в восторге от встречи с бывшим другом, в гости собралась, а у человека семья или любовь какая…

Она расстроилась.

Да что там говорить, конечно, расстроилась, прямо до легкой обиды – он ведь от нее сбежал! Откровенно драпанул! Вот так взял и свинтил: «пока, устал, работа», – она оторопела даже, никак не ожидая именно от него такого жесткого фальшака.

Все эти годы где-то на периферии сознания жила в Алисе уверенность, что Денис Кедров – ее человек, близкий, надежный друг, мужчина, который вроде как принадлежит ей. По крайней мере, принадлежал в далеком-далеком прошлом. О том, что у этого «ее человека» давным-давно и вполне себе спокойно может иметься семья, жена-дети и другие сердечные привязанности помимо давней, очень давней и позабытой одноклассницы, подруги из их практически детской жизни, она как-то ни разу не задумывалась.

А, вообще-то, почему? Да потому что так удобней, потому что это придает какую-то женскую уверенность, опору, что ли, когда числится где-то в подсознании, в памяти надежный мужчина, который когда-то искренне тебя любил. И на кой это обдумывать и анализировать, когда просто теплее жить с таким ощущением?

М-да, такая вот психологическая фигня. Обманка.

Они тогда на самом деле были детьми, что уж вспоминать теперь. И какая такая опора и уверенность? Мало ли кто, кого и когда любил в прошлой, другой жизни…

Так рассуждала нерадостно Алиса, выходя с покупками из огромных, нерасторопных стеклянных дверей. После такой встречи слоняться по магазину ей стало совсем неинтересно и грустно до невозможности, и, махнув мысленно на то, что намеревалась еще купить и не купила, она ушла из супермаркета.

Чтобы ощутимо сократить путь к дому, надо было пройти через автостоянку перед супермаркетом по небольшой дорожке. Она и пошла, лавируя между машин. И вдруг остановилась, замерла, снова увидев Дениса. Тот закрывал багажник машины, внутри которого белели ручки пакетов с продуктами, хлопнул крышкой, сел на водительское место, завел автомобиль и начал медленно выруливать со стоянки.

А Алиса, не замеченная бывшим одноклассником, все стояла, провожая удаляющуюся машину взглядом, непроизвольно отмечая в памяти марку, цвет и номер.

М-да, надо что-то делать с этой ностальгией. И вообще, разозлилась вдруг она на себя невероятно: самолет в пять утра, а у нее еще конь не валялся – вещи не собраны, дела не доделаны, и надо обязательно просмотреть новые данные, поступившие от ребят на Байкале, а она стоит тут горестной Василисой, грустит о былом и несбывшемся, провожая коровьим печальным взглядом машину школьного друга.

Вздохнула, одернула себя, обругав мысленно парочкой нелестных эпитетов, и деловитым шагом скоренько направилась в сторону дома.

Кедров досадовал на себя ужасно!

Протупил он конкретно! Лепетать что-то там начал про работу и занятость. Бли-и-ин!

Хрена он сунулся обнимать-утешать ее, идиот!

Стоял вот так, гладил по голове, и пахнуло на него ее запахом, тем самым, от которого у него всегда немного голова кружилась, и он вдруг так остро почувствовал тепло тесно прижавшегося тела, что его шибануло, пробрало до потрохов. Вот так – в один момент.

Господи, он давным-давно забыл и эмоции, и те невероятные ощущения, которые она в нем возбуждала, то особенное, обжигающее, чувственное и одновременно нежное желание, которое испытывал к ней в том далеком

прошлом.

Денис был совершенно не готов к тому, что все то далекое, почти позабытое, особенное, не испытанное больше им никогда ни с одной другой женщиной, вдруг обрушится на него, вызвав прилив настолько офигенного желания, приправленного какой-то печальной ноткой сожаления и грусти.

Охренеть! Твою ж метель!

Как щегол зеленый, как пацан завелся, возбудился и… и такое прочувствовал… М-да. Утешитель хренов!

Покидав кое-как в раздражении в холодильник и на полки продукты из пакетов, утеряв всякий аппетит, недовольный, разворчавшийся мысленно на себя Кедров послонялся по квартире, сел к мониторам, вроде бы отвлекся немного, стараясь сосредоточиться на программе, да какое там! Из головы все не выходила эта их встреча, ее лицо, улыбка, как она вдруг внезапно заплакала…

Алиса… Ах ты ж господи.

Принесло на его голову! Поднялся, вернулся в кухню, хлопнул по кнопке электрического чайника, тут же забыв про него, подошел к окну, сунул кулаки в карманы домашних брюк, в которые и не заметил, как и когда переоделся, так завелся на себя. И уставился задумчиво на улицу за стеклом.

И вспомнилась ему вдруг так живо, так ярко их первая встреча. Словно перед глазами встала реальная картинка из старого фильма его жизни.

Ему было пятнадцать, когда к ним в лицей пришла новая девочка.

Шел урок литературы, дверь открылась, и в класс вошла завуч, а за ней незнакомая девчонка. Тоненькая такая, хрупкая, симпатичная, улыбалась совсем не робко, а открыто и чуть иронично.

– Так, молодые люди и девушки, – обратилась к классу завуч и, указав на девочку, представила: – Это Алиса Ельская, ваша новая одноклассница. Любите, жалуйте, не обижайте.

– А Ельская, Светлана Аркадьевна, это от слова «елка»? – спросил громко Денис у учительницы.

– Нет, Кедров, – не самым благостным тоном пояснила она, – Ельская, как я понимаю, от слова «ель».

– А какая между ними разница? Они обозначают разные деревья? – не унимался Денис, ободренный смешочками одноклассников и отметивший про себя, что девчушка улыбаться не перестала, а смотрит на него с явным интересом.

– Нет, слова «ель» и «елка» обозначают одно и то же хвойное дерево, – явно преодолевая желание одернуть Дениса и выговорить ему, все же ответила Светлана Аркадьевна. – Почему существуют в русском языке два этих слова, обозначая один и тот же предмет, неизвестно. Есть разные версии. По одной предполагается, что словом «ель» пользовалось в основном высшее сословие, а словом «елка» – простонародье, но эту версию опровергли некоторые летописные источники. Лингвисты склоняются ко второй версии, по которой считается, что просто в разных регионах страны это дерево называли по-разному, а с объединением земель оно вошло в наш обиход в обоих вариантах. – И не удержалась, отчитала все же, правда только интонацией: – Надеюсь, я дала достаточно развернутый для тебя ответ, Денис.

– Вполне, – изобразил он благодарный поклон в сторону преподавательницы, но не угомонился. – То есть получается, Светлана Аркадьевна, что по первой версии Ельская – это так, для изыска, а по-простому это все та же Ёлкина?

Давно ожидавший развязки этого неожиданного разговора класс грохнул дружным смехом.

– Денис, остановись, – предупреждающим тоном охладила его завуч.

– Да я к тому, Инга Валерьевна, что в нашем ряду прибыло, – веселился он. – Раньше у нас были только Кедров и Сосновский, теперь полный комплект хвойных: Кедров, Сосновский и Ёлкина. А это уже целый лес!

Народ уже откровенно хохотал, веселясь от души, и новенькая девочка посмеивалась, и эта ее необидчивость и легкость, и этот ее тихий смех необычайно понравились Денису.

Так она стала Ёлкиной. Никогда не обижалась на эту вариацию своей фамилии, но использовать прозвище позволяла только самому автору, то есть Денису, каким-то непостижимым образом: не открыто противостояла, а мягко, исподволь, но достаточно твердо не разрешала никому другому обращаться к ней так же. Просто игнорировала, когда кто-то иной пытался назвать или окликнуть ее Ёлкиной. Мило, без разговоров и объяснений, всегда открыто улыбаясь, но как-то так, что очень быстро одноклассники и пробовать перестали шутить и подначивать на тему ее фамилии. Было что-то такое в новенькой девчонке – особый характер, эдакий гвоздь в мягкой, улыбчивой и милой упаковке.

А он, Денис, влюбился. Сразу, в тот же день.

Первый раз в своей жизни. Ему пятнадцать, девочке Алисе, пошедшей в школу в шесть лет, четырнадцать.

М-да… Денис с силой потер лицо ладонью, прогоняя непрошеные воспоминания. Ладно, хорош лирику разводить, надо на самом деле поработать, а для начала неплохо все-таки поужинать.

Алиса запретила себе думать о Денисе Кедрове и прокручивать раз за разом в голове их встречу в супермаркете и как он откровенно сбежал от нее, наговорив сто бочек ерунды про работу и занятость.

Запретила, строго так, как умела освобождаться и отделываться от всякой лишней, отвлекающей ерунды, которая лезла порой в голову. Но что-то в этот раз пошло не так, и привычная схема не сработала – и Алиса все думала и думала о нем, и всплывало перед глазами то их далекое прошлое, словно она просматривала чью-то чужую жизнь, от которой остались лишь воспоминания и потрясающее послевкусие ослепительно ярких чувств и эмоций.

Не то чтобы прямо только о Денисе она и думала, но в какие-то моменты вспоминала. Пока добиралась до байкальской научной станции и там, в часы отдыха. И даже сейчас, когда снова входила в свой подъезд, закатывая чемодан, бросила случайный взгляд на просматриваемый отсюда угол дома, в котором раньше жила бабушка Анюшка, а теперь вот обосновался ее внучок, – и сразу же

вспомнилось лицо Дениса и эта его приподнятая бровь.

Промелькнуло – и ушло. Особенно когда она обнаружила какую-то непонятку с дверными замками.

– Что за фигня? – не поняла Алиса.

Она совершенно отчетливо помнила, что, уезжая, закрывала дверь на оба замка – верхний и нижний, причем нижний запирается с усилием, и, чтобы его закрыть, надо немного придавить плечом дверь. Она же точно помнит, как торопилась и, поругиваясь сквозь зубы, упиралась в эту неподдающуюся дверь плечом. А сейчас она заперта только на верхний замок.

Десять напряженных рабочих дней, проведенные на научной станции на Байкале, с дикими какими-то перепадами погоды и атмосферного давления, фигово-проблемными для людей обычных и сказочными для ученого-климатолога, сильно вымотали Алису. Но сей факт она осознала только в самолете, когда села в кресло, расслабилась, а потом обнаружила, что вставать приходится, прилагая усилия, собирая себя в кучку и чуть ли не постанывая-поскрипывая.

Ехала в такси, мечтая, представляя себе, как завалится домой, наберет полную ванну горячей воды, отварит чудодейственного травяного сбора, что лично собрали и подарили ей коллеги с арктической станции, зальет его в ванну и будет блаженствовать целый час. Или даже больше.

Лежать, балдеть и ни о чем не думать – вообще ни о чем. Красота!

А тут какая-то непонятка с замками. Хрень какая-то.

Готовая к любым неожиданностям, с опаской открыв дверь, Алиса вошла в прихожую и осмотрелась. Все вроде бы на своих местах, и на проникновение со взломом ничего не указывает. И без взлома тоже не указывает.

Хотя какие свои места? Из всех коробок Алиса разобрала только две, с самым необходимым и насущным, а остальные так и стоят по всей квартире, надежно заклеенные скотчем. К тому же по каким местам и что она разложила, вот так с

ходу, навскидку, Алиса реально не могла сейчас вспомнить, поскольку пока не выработала никаких закрепившихся привычек и определенных мест для каждой вещи в этой квартире.

Скинув сумку с рюкзачком на пол, Алиса все так же медленно, сторожко пошла осматриваться дальше. В кухне никаких изменений не обнаружилось – те же нераспечатанные коробки, стоявшие друг на друге в ожидании часа, когда их наконец разберут, и минимальная кухонная утварь из расчета на нее одну: несколько вилок, ложек, чашка, сковорода и кастрюлька, да кое-что по мелочи. Да когда и что ей было распаковывать – она провела-то в этой квартире всего два дня и две ночи.

Ладно, пошли дальше, не все так страшно, как казалось.

В спальне также ничего настораживающего и никаких признаков постороннего пребывания она не обнаружила.

– Паранойя у меня, что ли? – недоумевала Алиса, уже без всякого опасения заглянув по ходу в ванную и туалетную комнату, пожала недоуменно плечами. – Но я точно запирала на два замка, я ж еще не…

И замерла, не закончив фразы, когда вошла в гостиную…

Признаки чьего-то пребывания со всей бросающейся в глаза очевидностью наконец явили-таки себя взору Алисы Юрьевны.

– Это что?… – обалдела она, глядя на зияющую дыру в стене.

Нераспечатанные коробки с ее вещами были сдвинуты в центр комнаты, освобождая свободный доступ к правой от входа стене. И вот в ней на уровне пола зияла дыра сантиметров двадцать длиной, высотой около восьми сантиметров, аккурат размером с высокий дизайнерский плинтус. Отпиленный кусок самого плинтуса валялся недалеко от дыры, посреди небольшой кучки мусора: опилок, мелкой бетонной крошки, обрывков какой-то бумажной упаковки типа пергамента, куска какой-то плотной ткани…

– Охренеть! – поделилась впечатлениями с самой собой Алиса и у себя же и спросила: – И что теперь?

Теперь, вообще-то, по всем правилам следовало вызывать полицию, чем она и занялась. Но родная полиция вызываться не стремилась и всячески отнекивалась, открещивалась. Алису долго мурыжили уточняющими вопросами, после чего предложили сфотографировать «место преступления» на камеру смартфона со всех ракурсов, после чего приехать самолично в отделение и написать заявление.

Да, сейчас! А расследовать за вас уголовные дела не надо? Оказалось, не надо, и товарищ капитан осерчал на такое ее предложение, строго попеняв разбушевавшейся гражданке. Возмущенная Алиса поднажала обещанием предать что-то там огласке, напомнила об уликах, еще чего-то наговорила дежурному своим особым академическим тоном – она умела, эдак по-ученому, весомо и со значением.

В общем, приблизительно через час полиция таки прибыла на «место преступления» и провела следственные мероприятия: то есть сняли отпечатки пальцев Алисы, обсыпали и извозюкали какими-то химикатами ручки-двери-косяки, сняв отпечатки возможных преступников, и принялись составлять протокол.

– Значит, вы, Алиса Юрьевна только что переехали в данную квартиру? – повторил очередной раз старший лейтенант, заполняя лист протокола.

– Да, – коротко подтвердила Алиса.

– И только что вернулись из командировки?

– Да, товарищ следователь, – ровненько, без эмоций в который раз повторила она и напомнила: – Документы о которой вам представлены.

– Представлены, – подтвердил старлей и продолжил опрос: – Что-то из ценных вещей пропало?

– Нет, не пропало, – тем же ровным тоном отвечала Алиса. – Из ценных вещей в этой квартире есть только компьютерная техника, рабочий стол, стул, холодильник и матрас. Все они, как вы могли удостовериться, находятся на месте и в полной исправности. Остальные ценные вещи я еще не перевезла.

– У кого есть ключи от вашей квартиры?

– Ни у кого. Только у меня. Я пока не передала запасные ключи никому.

– Хорошо, – кивнул старлей, проверяя уже написанное в протоколе. И вдруг задал вопрос, который до этого еще не задавал: – А какая фирма меняла вам замки после переезда?

– Я не меняла замки, – пожав плечами, сообщила Алиса.

И тут как-то разом все затихли. До этого момента находившиеся в квартире люди (участковый, вызванный для чего-то оперативниками, криминалист с помощником и соседка-бабулька в качестве понятой) шумно о чем-то переговаривались, передвигались по всей квартире – и вдруг разом замолчали, уставившись недоуменно на Алису.

– То есть как не меняли? – вкрадчиво-подозрительно переспросил старлей.

– Мне было некогда, – пояснила Алиса, – я провела здесь всего две ночи и улетела в научную командировку.

– Так, – сказал обескураженный старший лейтенант. Откинулся на спинку стула, побуравил хозяйку взглядом и повторил: – Так. То есть вы пользуетесь ключами бывших хозяев?

– Пока да, пользуюсь, – подтвердила Алиса.

– А кто у нас бывшие хозяева? – поинтересовался полицейский.

Под пристальным взглядом старлея Алиса поднялась, прошла к тумбе с документами, нашла и достала папку, в которой хранилась вся документация по квартире, и протянула ее лейтенанту.

Вся эта бодяга с протоколами, вопросами, подписями затянулась больше чем на час, за который Алиса уже сто раз успела пожалеть, что связалась с доблестной полицией, проникнуться неприязнью к старшему лейтенанту, дважды сварить на всю их компанию, исключая соседку, кофе и устать до разболевшейся головы.

– Поменяйте замки, – посоветовал ей, перед тем как выйти за дверь, криминалист.

– Да уж, – поддержал его старлей, – замки-то, Алиса Юрьевна, при переезде люди меняют прежде всего.

И в его ернической интонации отчетливо слышалось недоговоренное «нормальные люди».

– Обязательно, – пообещала она, захлопывая за ним дверь.

Собственно, как сказали полицейские, ничего страшного не случилось – скорее всего, бывшие хозяева вспомнили о своей «заначке», пришли и вытащили ту, не навредив и ничего не тронув у новой хозяйки, только прибирать за собой не стали, но вряд ли придут еще раз, даже для того, чтобы исправить эту оплошность. Так что Алиса Юрьевна смело может спать спокойно.

Но замки все же поменять не мешало бы.

Завтра. Она поменяет их завтра, а сейчас у нее сил не осталось даже на вожделенную ванну, хоть с отваром целебных трав, хоть без него. И на неспешный душ не осталось – так, быстро повозюкала себя мочалкой, кое-как вытерлась – и спать, спать! Рухнула на свой суперматрас и мгновенно отключилась.

Замки она поменяла и стену заделала, вернув на место плинтус. Не сама, понятное дело, а вызванные специалисты: слесарь и строитель, но не на следующий день, а в выходные. А утром, собрав кое-какие вещички, Алиса уехала пожить с бабулей и дедулей несколько дней.

Испытывая навязчивый внутренний дискомфорт при мысли о том, что какой-то посторонний человек свободно так зашел в ее квартиру, трогал и передвигал ее

вещи… Неприятный осадочек. А еще она постоянно думала: а что бы делали те хозяева, вернее хозяйка – владелицей этой квартиры долгие годы была женщина. Ну так вот – что бы делала та бывшая хозяйка, обнаружив, что Алиса, как любой нормальный человек, сменила замки сразу же после того, как купила эту недвижимость? Наняла домушников? Или подошла к Алисе и попросила: «Вы знаете, я там небольшой кладик забыла, так, кое-какие вещицы на черный день, вы позволите мне раскурочить теперь уже вашу стену и достать их?»

Или не вещицы, а деньги, документы, ценные бумаги?

Алиса представляла этот дикий разговор и задавала себе вопрос: а что бы она ответила на эту просьбу? И как поступила? Да-да, конечно, пожалуйста – приходите, забирайте! Или что? Послала бы подальше и полицией пригрозила, а сама бы продырявила все стены в поисках клада забывчивой хозяйки, как Киса Воробьянинов стулья?

Что-то в этой истории не давало ей покоя. Что-то тут было не так, нелогично. Ну вот представьте себя на месте той женщины. Вот вы бы могли забыть при переезде нечто настолько ценное, что оно было специально запрятано в стене? Это как-то совсем с головой не дружить…

Правда, в жизни всякое бывает, люди такое порой могут учудить, что только диву даешься. Да и мало ли, какие мысленные процессы у той дамы в голове происходят. Она, кстати, так торопилась продать эту квартиру, прямо как от пожара сбегала, поэтому и цену такую заниженную поставила. Могла и забыть второпях. Хотя Алиса, общаясь с ней, не заметила, чтобы та была чем-то сильно взволнована или нервничала. Наоборот, держалась она спокойно, уверенно и с большим достоинством.

Или просто умеет владеть собой? В таком случае чего можно настолько испугаться, чтобы при столь высоком самоконтроле забыть важные ценности, замурованные в стене? Или кого?… Так, может, не второпях забыла, а от испуга?

На этом месте, как правило, Алиса себя останавливала – ну его, понимаешь, на хрен, так можно до таких страшилок додуматься и так себя накрутить, что впору продавать новое жилье и подыскивать что-то взамен.

Продавать и подыскивать у нее не было никакого желания и сил, да и надобности, в общем-то, тоже не наблюдалось.

А через пару дней горячесть происшествия подостыла и все виделось уже не таким странным и напряженным, а скорее комичным, чему в немалой степени поспособствовало общение с бабулей и дедулей. Особенно, когда они, сидя втроем за столом и попивая чай с бабушкиными пирожками, красочно обсуждали предполагаемую мизансцену, в которой дама вспоминает о своей заначке. И хохотали, подыгрывая друг другу, дополняя деталями эдакую фильму.

Мама жила с Никитой в его новой квартире под предлогом дизайнерского обустройства жилья. Никто и не сомневался вот ни разу, что именно так и будет, и полная сепарация Никитоса от матери – это утопия, в которую никто не верил с самого начала, кроме, понятное дело, самой Эммы, все так же любующейся собой в жертвенной роли, на сей раз роли матери, отрывающей от себя сына, отпуская того в самостоятельную жизнь. Да сейчас, не смешите родню, отпустит она от себя и из-под своего контроля Никиту. А страдания? А Я – Мать? Теперь еще и Мать Великого Артиста.

Но Никитос неожиданно явил маме характер и начало того самого ожидаемого «возмужания» и каким-то образом сумел отправить маман пожить в собственной квартире, узнав о чем, Алиса тут же быстренько собралась и смотала к себе домой.

За неделю история с извлеченным кладом практически забылась, перекочевав из разряда «пугающе и неприятно» в разряд веселых легенд, да и новый замок в двери вкупе с полной ликвидацией дыры в стене действовали успокаивающе. Алиса улетела на два дня на научную конференцию во Владивосток, где делегация от их института представляла большой научный проект. Возвращалась уставшая, но невероятно довольная, все было здорово: удачное представление проекта, общение с коллегами и учеными из других стран, интересные встречи и коллоквиумы за круглым столом. Да они обсуждать и спорить продолжали весь обратный полет и даже в Москве все остановиться не могли, из-за чего, вместо того чтобы разъехаться по домам, зависли в кафе после прилета.

И, поднимаясь в лифте на свой этаж, Алиса мысленно все продолжала нескончаемое обсуждение с коллегами, погрузившись в обдумывание доводов, аргументов и полученной интересной информации.

Но, выйдя из лифта на свою лестничную площадку, замерла, оторопев. Нет, на сей раз не из-за замков, с ними-то как раз все было в порядке. Ну, по крайней мере, визуально, а как на самом деле обстоят дела с запирающими устройствами, работают они исправно или нет, проверить в данный момент у Алисы не имелось никакой возможности, поскольку, опершись на ее дверь спиной, уронив голову на грудь и вытянув ноги, сидел прямо на полу какой-то парень.

– Так, – произнесла от растерянности и замешательства Алиса и повторила, но с другой интонацией, более решительной, подбадривая себя: – Так! – И окликнула сидевшего: – Молодой человек! Ау!

Парень не отозвался, не шевельнулся и никаким иным образом не дал понять, что услышал ее призыв. То ли был пьяный в хлам, то ли обколотый до изумления и зеленых человечков, бог знает. Алиса продвинулась на пару осторожных шагов вперед и принюхалась. Не, ничем таким особенным от него не пахло, по крайней мере, с такого расстояния. Откуда-то тянуло дорогим кофе (уж в кофе-то она разбиралась, безошибочно умея отличить дрянной напиток от качественного), еле уловимо пахло моющими-чистящими средствами… И больше вроде бы ничем. Нет, чуялся еще какой-то странный, непонятный запах, но на алкогольный выхлоп или что-то химическое он точно не походил.

Продвинувшись еще на полшага, Алиса присмотрелась. Прямо скажем, на маргинального вида личность этот парень определенно не походил вот ни разу. Очень дорогие кроссовки из последней коллекции известной фирмы. Никитос ей недавно показывал такие в каталоге и посмеивался, что платят не столько за качество, сколько за бренд. Брюки, кстати, той же фирмы и ценовой категории, да и куртка хоть и другой фирмы, но не менее высокого уровня. И несколько сопутствующих деталей… Например, состояние волос (свисавших сейчас длинной ухоженно-уложенной, стильно подкрашенной челкой, скрывая лицо) и явно дизайнерская стрижка, легкий аромат дорогого парфюма, который с этого расстояния Алиса смогла уловить, даже отполированные, покрытые бесцветным лаком ногти на безвольно лежавшей на ноге ладони – все вкупе говорило о том, что молодой человек со всей очевидностью относится к категории давно и добротно богатых людей.

Алиса, закинув небольшую дорожную сумку на плечо, чтоб не мешалась, подошла к парню и присела перед ним на корточки. И только с этого расстояния,

оказавшись совсем близко, она смогла определить, что непонятный запах ей неприятно знаком: терпко-насыщенный, что-то органическое…

– Парень, – позвала Алиса и, не дождавшись никакой реакции, осторожненько потрясла его за плечо. – Эй, мужчина!

А он вдруг как-то неправильно-тяжело, неотвратимо, словно всей массой расслабленного тела, начал заваливаться на правый бок, и его безвольно раскрытая кисть соскользнула с ноги на керамическую плитку пола, издав неприятный костяной звук.

Алиса даже не попыталась его удержать, зацепившись остановившимся взглядом за одну существенную деталь: при падении полы куртки парня распахнулись, и она увидела, что на белоснежной футболке растеклось огромное бурое пятно, успевшее подсохнуть по краям прорези сбоку. Пятно крови.

Медленно, словно боялась спугнуть лежащего человека, Алиса поднялась, непроизвольно отступила назад и уставилась туда, где после его падения стала видна темно-бордовая лужа, натекшая под ягодицы и ноги парня. Смотрела, со всей отчетливостью понимая, что это кровь и что именно ее запах она почувствовала.

– Это что? – охрипшим от шока голосом спросила Алиса. – Ты что тут, помер, что ли, мужчина?

Почему-то он не ответил на ее прямой вопрос.

Четким мышлением ученого, привыкшего мгновенно осмысливать факты, когда того требовала необходимость и ситуация, она осознала сразу же, что этот молчаливый незнакомец окончательно и бесповоротно того, ну о чем она спрашивала…

Нервно, судорожно-громко втянув в себя воздух, словно задыхаясь, Алиса шумно сглотнула и заозиралась по сторонам.

– Так, – соображала она в некоторой легкой панике. – Что надо делать?

Делать, разумеется, надо обязательно, только что? «Звонить!» – обрадованно-облегченно вспомнила Алиса. Ну конечно, звонить, в полицию! А куда же! Нет, можно еще куда-нибудь позвонить, но лучше все-таки в полицию.

И одернула себя строго: не тупи, не паникуй!

Собралась в один момент. Смотреть на лежащего сломанной куклой мертвого парня она не могла – рассматривать с любопытством труп зрелище, прямо скажем, на любителя, к коим Алиса уж точно не относилась, – оттого и отвернулась, торопливо и потому неловко выкорчевывая из кармана куртки смартфон. Руку потряхивало, и аппарат криво-косо все барахтался в пальцах, никак не ухватывался правильно, не переворачивался, как надо, а освободить вторую руку и поставить дорожную сумку на пол она не сообразила.

«Да и на какой пол? – подумала вдруг она. – Туда, где лежит человек?»

В том смысле, что уже не человек? И эта темная лужа под ним…

Нет, не будет она ставить сумку на пол.

– Соседи! – разозлилась внезапно Алиса. – Где вас носит, когда вы нужны? Когда не нужны, так из всех щелей вас несет спросить-познакомиться, на каждом шагу по любопытствующему соседу…

С телефоном она все ж таки справилась: перевернула, активировала, как надо, и код разблокировки ввела… и зависла.

– А куда звонить-то? – тормознула на пару секунд. – Сто двенадцать же!

И искренне обрадовалась: хорошо, что не помню, значит, поводов нет помнить-звонить по экстренному номеру спасения от всего.

В этот раз никто не мурыжил ее по телефону. Стоило Алисе сообщить о трупе, поделившись с дежурным своими умозаключениями о том, что, скорее всего, это убийство, как ее четко, ровно и коротко расспросили по делу и предложили ожидать опергруппу, никуда не отлучаясь с места происшествия.

– Да куда я отлучусь? – устало заметила Алиса, закончив разговор. – За море-окиян, в царство славного Салтана?

После самых первых минут растерянности и легкого шока, нормальных для любого человека, найди тот труп на пороге своего дома, Алиса, привыкшая к разного рода экстремальным случаям и ситуациям, достаточно быстро успокоилась. Спустилась на нижнюю площадку, туда, где между этажами располагалось большое окно, освободилась наконец-таки от сумки, поставив ту на широкий подоконник, и сама уселась рядом, понимая, что надо ловить последние более-менее спокойные минуты.

Она чуть не заснула, посапывала сонно и даже немного кемарить начала, прислонившись плечом и головой к стене. Долгий, многочасовой перелет, жаркие споры с коллегами, смена часовых поясов и шок от обнаружения трупа вымотали ее эмоционально и физически. Может, и заснула бы тут, сидя на подоконнике, но про спокойные минуты она была права: полиция явилась весьма оперативно, минут через десять.

И закрутилась-завертелась следственная деятельность, начались бесконечные вопросы под протокол и без него. Тело убитого парня достаточно быстро увезли, и полицейские позволили Алисе войти в квартиру, куда и потянулись следом за ней, старательно переступая через кровавую лужу на пороге, не спрашивая и не ожидая приглашения хозяйки.

А она так устала, что ей уже было пофиг, кто там шастает по квартире, с ее разрешения или без оного, – Алисе нестерпимо хотелось, чтобы все как можно скорее ушли, оставив ее в покое, и она смогла наконец расслабиться и отдохнуть, насколько это возможно после столь насыщенного событиями дня и такого стресса.

Блин, с «отдохнуть», наверное, так быстро, как хотелось бы, не сложится – лужу эту ужасную никто мыть-удалять не собирается, не оставлять же ее на пороге. Вот ведь засада! Ей же это придется отмывать, сообразила вдруг Алиса! Надо найти дворника или кто там моет их подъезд, может, помогут…

– Что? – переспросила она следователя, задавшего очередной вопрос, зацепивший Алису чем-то настолько, что прервал ход ее невеселых размышлений.

– Я спросил: вы прилетели четыре часа назад и вполне могли оказаться дома в то время, когда произошло убийство, – чуть не по слогам повторил свой вопрос, больше похожий на утверждение, следователь.

На сей раз не какой-то там въедливый старлей, а настоящий следователь из Следственного комитета, кажется, даже майор – он был в штатском, но представился по всем правилам при встрече, и Алиса что-то запомнила, фамилию его точно, потому что она была необычная: Гринец.

Вот этот самый Гринец и задал ей вопрос, с каким-то отчетливо слышимым намеком в тоне.

– А вы точно знаете, когда оно произошло? – уточнила Алиса и, не дождавшись ответа, подтвердила: – Теоретически могла, если время смерти этого человека три, три с половиной часа назад. Но из аэропорта мы с коллегами заехали в кафе, где поужинали вместе. Я вам уже говорила.

– Да, говорили, – подтвердил следователь. – Только это кафе находится в трехстах метрах от вашего дома, и вы вполне могли отлучиться на несколько минут и успеть…

– Что? – перебила его Алиса, усмехнувшись. – Что успеть? Пробежаться до дома, быстренько укокошить неизвестного мне человека у дверей собственной квартиры, вернуться бегом назад и тихо-мирно продолжить дальнейшее общение с коллегами?

– Всякое бывает, – уклончиво заметил майор и пояснил: – Достаточно часто преступниками бывают именно те, кто первым сообщил об убийстве.

Алиса вспомнила вдруг, как зовут следователя: Петр Федорович, вот как! Чем и не преминула воспользоваться.

– Счастлива вас разочаровать, Петр Федорович, но из-за стола я не отлучалась даже в туалет, что подтвердят мои коллеги.

– Проверим, – пообещал следователь.

И протянул ей протокол опроса, указав:

– Вот здесь и здесь напишите: «С моих слов записано верно» – и распишитесь.

Вдумчиво и без спешки Алиса прочитала протокол, написала нужную фразу и оставила свой автограф.

– Из города не уезжайте, – перед выходом из квартиры напутствовал Гринец Алису.

– Что значит – не уезжайте? – холодно поинтересовалась та. – Я, кажется, не давала подписки о невыезде?

– Нет, не давали, – скривился майор. – Это просьба и рекомендация. Пока вы проходите по делу как свидетель, то можете понадобиться следствию в любой момент.

– Я, может, и могу понадобиться следствию, которое без меня, понятное дело, не разберется с убийством гражданина, – разозлилась, устала и оттого язвила Алиса, – только у меня, как и у следственных органов, имеется своя ответственная работа, по надобностям которой мне необходимо покидать столицу. Например, через две недели состоится научный форум в Питере, где я обязательно должна присутствовать. Так что пока я не дала письменного обещания не выезжать из Москвы, выезжать из нее я буду непременно.

– С обязательным уведомлением следователя о своем отъезде и месте проживания вне Москвы, – явно разозлился на ее отповедь Гринец, да и вообще не нравилась ему эта въедливая девица.

– Не премину, – пообещала неласково Алиса.

А потом пришла уборщица, что мыла подъезды их дома, сама пришла, узнав о происшествии. Новость, понятное дело, разлетелась чуть ли не по всему району горячей молнией, и те самые соседи, которых было не видно, не слышно, когда они требовались, потянулись целыми делегациями поглазеть на труп и выспросить детали с горящими от любопытства глазами. Заразы. Так вот, кто-то из соседей и сообщил уборщице, та и прибежала, и сразу же предложила Алисе

свою помощь, за что ей великое спасибо. Вдвоем они полтора часа отдраивали и оттирали эту зверскую лужу, замотав шарфами нос-рот, подавляя рвотные рефлексы.

Соседи же мгновенно рассосались по своим норам-квартирам, как только Алиса с Гульнарой взялись мыть, добровольцев им в помощь как-то не нашлось.

Алиса мыла, скребла, засыпала какой-то химией злополучное пятно и снова мыла и думала тревожно: а ведь этот следователь клонит к тому, чтобы свалить убийство на нее. Чуть ли не прямым текстом об этом говорит. Она понятия не имеет, насколько надо быть тупым и не владеть хотя бы зачатками логики, чтобы пытаться найти доказательства и факты там, где их и близко нет и быть не может. Но ведь ей не раз приходилось слышать о случаях, когда неповинных людей обвиняли черт-те в чем и… как это называется? Вешали на них дело. Вот как это называется.

И что-то как-то ей эта мысль сильно не понравилась. Может так быть? Да, еще как может! Вон, практически в каждом детективном фильме «вешают» те самые убийства на кого ни попадя, чтобы закрыть дело и повысить их эту, как ее там? Раскрываемость!

А чем Алиса не подходящая и хорошая раскрываемость?

Быстро мысленно пройдясь по фактам и возможным вариантам их разной трактовки, Алиса почувствовала легкий холодок, пробежавший по спине. Если задаться целью сделать из нее обвиняемую…

Твой же палеозой, как говаривал один бригадир буровиков, когда бур тяжело шел через породу! Так! Ей срочно нужно посоветоваться со специалистами в этой области. Ей нужна помощь и подсказка, как действовать и что предпринять, если все-таки на нее что-то начнут «вешать и шить», и лучше узнать это заранее, чем после того, как ей предъявят обвинение.

Алиса схватила смартфон, открыла записную книжку и принялась листать, пытаясь вспомнить, у кого из друзей и родственников есть связи в полиции. И вдруг вспомнила: так у Лильки же Любавиной папаня!

Торопясь, набрала в поиске первые буквы фамилии бывшей одноклассницы и вдруг зависла от неожиданно пришедшей в голову мысли.

Острой, яркой мысли, ворвавшейся в аналитический процесс по ассоциации с Лилькой, настоль неожиданной, что ее требовалось обдумать.

Алиса посидела замершим, настороженным сурикатом, судорожно-торопливо гоняя эту самую мысль туда-сюда, и вдруг сорвалась с места – собираться-одеваться!

– Денис, открывай! – Алиса нажимала на звонок, одновременно стуча в его дверь. – Открывай, я знаю, что ты дома, я видела свет в твоих окнах!

Открывать он не спешил, и Алиса все продолжала звонить и звонить.

– Ёлкина! – прогремев замком, резким рывком распахнул наконец дверь раздраженный до невозможности Кедров. – Ты с ума сошла, что ты звонишь и тарабанишь?

– Мне срочно нужна твоя помощь! – объяснила, с ее точки зрения, весьма доходчиво и обстоятельно свое поведение Алиса.

И предприняла попытку незамедлительно проникнуть в его жилище, шагнув вперед, вернее, попробовала шагнуть. Хозяин нежданную гостью в свои палаты не приглашал и с места не сдвинулся, отчего Алиса с ходу уперлась грудью в его торс.

– Ёлкина, ты в меня своим фюзеляжем не тыкай, я занят, гостей не жду и не принимаю, – проворчал недовольно Кедров, не сдвигаясь с места.

– Денис, сейчас точно не тот момент, чтобы проявлять сарказм и демонстрировать чувство юмора. – Отступив на шаг, Алиса посмотрела на него недовольно-сосредоточенно и повторила причину своего прихода: – Мне очень нужен твой совет и помощь.

Денис работал над одной симпатичной программкой, немного для души, ну и для дела, разумеется, куда ж от него денешься, когда услышал непонятный, какой-то заполошный звонок в дверь. Матернувшись про себя от необходимости отрываться от увлекательного занятия, откровенно недоумевая, какого, собственно, и кого там могло принести, поразмышлял недолго: а может, на хрен, не открывать, не дождутся и «отсохнут» сами, сообразив, что бесполезно звонить, никто не пустит?

Но, судя по продолжавшему настойчиво, без перерывов, тренькать звонку, «отсыхать» посетители не намеревались.

– Да чтоб вас ТикТоком трахнуло, – проворчал раздосадованно Денис и отправился выяснять, кому от него что понадобилось.

Выйдя в прихожую, услышал, что к продолжавшему заливаться трелью звонку прибавился еще и настойчивый стук в дверь, и офигел слеганца: совсем опупели? Первым его естественным порывом было желание распахнуть дверь и вмазать в бубен стучащему-звонящему. Но порыв тут же исчез, стоило Кедрову услышать сопровождающий эту звуковую какофонию знакомый до боли голос Алисы свет Батьковны, требующей немедленного общения.

Не, сразу же решил Кедров, не, на хрен! Не будет он открывать и общаться с ней! Не-не-не! Ведь так и знал, что та их встреча в супермаркете даром не пройдет и столкнутся они еще раз. А ему это ну никуда не упало и совершенно не надо – все эти воспоминания про их детские страсти-расставания, про прошлую жизнь-любовь… И никаких встреч с Алисой тем паче не надо. Ничего такого!

Нет, открывать он не будет, твердо решил Кедров, слушая, как все трезвонит звонок, как стучит она в дверь, уведомляя, что знает про его присутствие дома. Проявил, так сказать, волю характера… минут пять.

И открыл, сказав себе, что делает это, только чтобы послать ее куда подальше и объяснить, что не собирается и не хочет с ней общаться и вообще – все…

– Денис, мне срочно нужна твоя помощь! – произнесла она таким тоном, что Кедров сразу понял, что все всерьез, что у нее действительно что-то стряслось.

Но не мог себя пересилить – вот не мог, и все! Повредничал, не пуская вот так сразу и с ходу в квартиру, да, потому что…

И, только выдержав некоторую паузу, показательно громко и харизматично вздохнув, демонстративно сдаваясь под ее давлением и напором (в том числе и грудью о его торс), отступил в сторону, пропуская подругу свою давнюю, позабытую в прихожую.

– Проходи, – еще раз показательно-безнадежно вздохнув, указал он в сторону гостиной приглашающим жестом.

– Угу, – кивнула Алиса, скинув и сунув ему в руки свою курточку. – Тапки дашь?

– Да какие тапки, Ёлкина, – недовольно сморщившись, отмахнулся он и посмотрел на ее легкие, незашнурованные кроссовки, – проходи уже.

Она и прошла, села на диван, нетерпеливо-ожидающе глядя на него. А Кедров не торопился, растянул момент – ну вот не хотелось ему ни о чем с ней разговаривать, вступать в коммуникацию, обсуждать ее проблемы и… э-э-эх-х-х.

– Ладно, – плюхнулся он в мягкое кресло напротив дивана. – Что у тебя там случилось?

– У меня случилось убийство, – отрапортовала Алиса.

Кедров посмотрел на нее с большим познавательным интересом, вопросительно приподняв левую бровь.

– Ты кого-то укокошила, Ёлкина? – уточнил он.

– В том-то и дело, что нет. Укокошила не я, но, по всей видимости, меня собираются в этом обвинить.

– Это, конечно, неприятно, – согласился Денис с очевидным фактом и поинтересовался: – Но стесняюсь спросить: а я-то тут при чем? Могу разве что посочувствовать, – предложил он форму своей помощи, которую тут же и осуществил: – Ай-ай-ай, Алиса, – изобразил глубокое показное сочувствие и

жалость, покачав головой, – как ужасно, какая несправедливость! – И посоветовал: – Надо бороться с произволом, писать в инстанции, сигнализировать ответственным людям.

– Надо, – на полном серьезе согласилась с ним Алиса и спросила: – Все? Отпустило?

Он посмотрел на нее недобро, изучающе, в упор, в момент потеряв всякую иронию и сарказм. Опять он попался на том же, что при первой их встрече! Совершенно позабыл, да и кто бы не забыл на его месте, все мелочи и нюансы своей настолько далекой прошлой, подростковой жизни-любви. Забыл, как безошибочно она всегда чувствовала его настроения, эмоции, понимая его, как никто другой. Вернее, нет, не забыл, а не ворошил, не трогал в памяти.

Утверждают, что так не бывает. Кедров даже как-то раз обсуждал этот вопрос с их штатным психологом, и тот тоже уверял, что такого просто не может быть: люди не могут до такой степени испытывать эмпатию по отношению к другому человеку, подобного не способна выдержать психика человека. А если и случается такой феномен, то там совсем что-то ненормальное.

М-да, ненормальное, вот точно.

– Я понимаю, Денис, как это все… – покрутила неопределенно кистью Алиса, изображая, по всей видимости, свое бесцеремонное вторжение, – неожиданно. И понимаю, что наша встреча тебя напрягает. Но ты человек, которому я доверяю, и ты мне можешь помочь.

– Это опасное заблуждение, Алиса, – серьезным, усталым тоном произнес Кедров. – Ты доверяла мне в детстве и тогда имела для этого все основания, но прошла целая жизнь, я изменился, мы изменились, и ты понятия не имеешь, каким я стал человеком и можно ли мне доверять теперь.

– Можно, – отрезала она уверенно. – И мы не станем сейчас обсуждать, заблуждение это или нет, ладно? Как-нибудь, если возникнет у нас такое желание, подискутируем на эту тему, но не в данный момент. Сейчас мне нужен твой совет и помощь.

– Ну и чем, по-твоему, я могу тебе помочь? – удивился Кедров.

– Мне нужно профессиональное мнение: возможен ли вообще в моей ситуации такой вариант. Ну а во-вторых… а во-вторых будет зависеть от первого.

– И при чем тут я? – подчеркнув мимикой откровенное удивление, не забыв про «отсекающую», приподнятую бровь, поинтересовался Денис.

– Ты же служишь в полиции… – начала объяснять Алиса.

– Так, стоп, – несколько резковато остановил ее Денис. – Откуда ты взяла, что я служу в полиции?

– Лиля Любавина, – пояснила Алиса. – У нее папа какой-то там генерал МВД. Ты же помнишь, он был милиционером, когда мы учились, и уже тогда в каком-то там звании, не то полковник, не то подполковник, неважно. Теперь вот полицейский и генерал.

– И при чем тут папа-генерал Любавиной? – допытывался недовольным тоном Кедров, уже четко понимая эту самую причастность Лилькиного папаши.

– Ну ты же помнишь, Любавина всегда была у нас девушка деятельная, организатор всех мероприятий, – принялась объяснять Алиса, – такой и осталась, работает сейчас в каком-то крутом холдинге администратором. Не суть. Так вот, в прошлом году было пятнадцать лет нашего окончания лицея, и Любавина взялась организовывать встречу выпускников. Обзвонила всех и навела про всех справки, а про кого не смогла узнать ничего путного, попросила папеньку помочь с инфой. Я не собиралась идти, но Лилька буквально в прямом смысле поймала нас с Зоей Титовой выходящими из в кафе, где мы встречались поболтать, и затащила на юбилей. Понятное дело, я спросила про тебя, она мне и рассказала, что ты служишь в полиции в каком-то там информационном отделе, делаешь карьеру и получаешь звания. Так она сказала.

Да, он вспомнил, действительно, Лилька не смогла раздобыть номер его телефона и электронную почту, не обнаружила его в соцсетях, поскольку сложно найти то, чего нет. И она прислала Денису открытку, а потом еще и телеграмму с приглашением на ту самую встречу выпускников в прошлом году. Которую таки провели, несмотря на карантин и частичные ограничения в Москве, видимо, папа и с этим вопросом подсобил-расстарался. А Денис не

пошел. Зачем? Не видел смысла в этом мероприятии.

М-да, неприятно, придется ставить в известность начальство.

Вот он ему нужен, этот лишний головняк? А?

– Ну, предположим, – почти сдался Кедров, – я служу в полиции. Но, во-первых, тебе же Лилька сказала, что в информационном отделе, то есть к убийствам не имею никакого отношения. А во-вторых, ты же понимаешь, что, обращаясь к кому-либо за помощью, ты делишься информацией и таким образом попадаешь в некую зависимость, для начала открывая данные о себе, а для продолжения – становясь должником за оказанную услугу.

– Да какая зависимость, Денис, – посмотрела на него с укором Алиса. – Ты полицейский и давал присягу, а я гражданин, которого ты обязан защищать. И вообще, можно подумать, что я тебе прямо свои сокровенные тайны пораскрывала тут. И какую такую информацию о себе, хоть личную, хоть не личную, я могу от тебя скрыть?

М-да. Права давняя подруга, права – скрыть какую-либо информацию от него… Смешно. И помогать гражданскому населению, к которому относится и она, Денис по большому счету, вообще-то, обязан, тут Алиса тоже права. Но связываться с ней и вступать хоть в какие, пусть даже умозрительные отношения Кедрову не хотелось вот абсолютно.

– Нет, я понимаю, что ты не оперативник и не следователь, – продолжала уговаривать его Алиса, – но ты же знаешь, как происходит процесс расследования, и можешь дать оценку моим предположениям, насколько они верны.

– Ну давай попробую дать оценку, – с кислым выражением лица вяло согласился-таки Денис. – Ладно, Ёлкина, излагай суть происшествия и чего ты там испугалась.

Она и изложила. Подробно, обстоятельно, не упуская деталей, по ходу давая свои комментарии, рассказала и про откровенные намеки следователя Гринца на ее причастность к смертоубийству молодого человека.

– Ну в чем-то твой следователь прав, – выслушав Алису, объяснил Денис, – на самом деле, по статистике, почти в тридцати, а порой и сорока процентах случаев те, кто сообщает о преступлении, и являются убийцами. Но ты зря паришься и панику разводишь. Элементарно: первое, что делают следователи, это проверяют геолокацию. Посмотрят, где ты находилась в момент убийства, может, и не извинятся, но в преступницах числить перестанут.

– Но я могла благополучно оставить телефон на столе и выйти из кафе через задний ход, – возразила Алиса. – Там на самом деле до моего дома ну минут пять спокойной ходьбы. По времени получается, что могла успеть смотаться, прирезать парня и вернуться. Мне этот Гринец так и сказал.

– Алис, не тупи, – сморщился недовольно Денис. – Есть твои коллеги, которые хором подтвердят, что ты никуда не отлучалась…

И замолчал, не закончив фразы, увидев, как она скривила признательно-покаянную мину.

– Что? – недовольно, с нажимом спросил Кедров. – Ты все-таки выходила?

– Да нет, не выходила я никуда, – уверила Алиса. – Но, понимаешь, ученые – это такие человеки, которые частенько ни фига вокруг не замечают, когда увлечены чем-то. Мы спорили, собственно, из-за этого и оказались в том кафе. Летели с конференции, обсуждали самые интересные и яркие доклады и гипотезы, заспорили в самолете и никак не могли остановиться. Поэтому и заперлись вчетвером в одно такси, продолжая дискутировать, решили, пусть нас по очереди развезут. Первой привезли меня, народ возмутился, не желая останавливать обсуждение, увидели это кафе и решили посидеть там, кофе выпить и закончить диспут. Ну и увлеклись, засиделись не полчаса, а пару часов, поели заодно. Но в процессе спора так все завелись, что спроси вот у меня, например: «Кто-нибудь выходил из-за стола, отлучался?», – я вряд ли вспомню абсолютно точно. Пару раз мы так разгоряченно спорили то с одним, то с другим, что было пофиг, отходил кто-то или нет, не до этого. Думаю, и коллеги мои не смогут точно подтвердить факт моего постоянного присутствия.

Она вдруг улыбнулась:

– Кстати, давно так увлеченно не спорили, так взбодрились, раздухарились. Здорово было!

– Фигово, конечно, что не вспомнят, – разглядывая ее задумчиво, рассудил Денис и отмахнулся. – Но в принципе тоже не решающий фактор. Есть официантки, есть видеонаблюдение в кафе, есть в конце концов подъездные видеокамеры.

– А если они не работают? – выдвинула возможное предположение Алиса. – Вот ты знаешь, работает камера на твоем подъезде?

– Я знаю, – усмехнулся Кедров, – работает.

– А вот большинство людей понятия не имеют. Я вот не знаю: висит себе и висит «око сауроново», а есть от него толк или нет – большой вопрос. Почему-то, как какое-то преступление происходит и по телику показывают, что оно попало в камеры видеонаблюдения, так, как правило, ни черта не видно и фиг что разберешь: какое-то мельтешение, неопределяемые люди и все серо-темное.

– И такое бывает, – согласился Кедров и, посчитав выполненным свое обещание выслушать и дать оценку, поспешил завершить ее визит. – Но в твоем случае все настолько прозрачно и понятно, что ты зря решила испугаться. К тому же, как ты утверждаешь, ты этого парня впервые видела и не знаешь, стало быть, никакого мотива его убивать не имеешь. Орудия нет, следов крови на тебе не обнаружено. Ну а следователь все правильно сделал: надо было продавить на испуг возможного подозреваемого по горячим, как говорится, следам. Так что все, Ёлкина, можешь спать спокойно.

– А я вот подумала… – задумчиво произнесла Алиса, проигнорировав его отповедальную, заключительную речь и явно читаемое желание выставить ее побыстрей. – Почему его убили именно у моей двери? Не может это быть как-то связано с кладом?

– С каким кладом? – посмотрел на бывшую подругу с большим подозрением-сомнением Кедров.

– Ну который извлекли в моей квартире, – автоматически ответила Алиса.

– В твоей квартире был какой-то клад, который извлекли? – обескураженно переспросил Денис.

– Ну да.

Она посмотрела на него более осмысленно и рассказала о странном происшествии.

– Охренеть, – дал свою весомую оценку Кедров. – А сменить замки, Ёлкина, не судьба? – попенял ей с сарказмом. – Вообще-то, это первое, что делают люди, переезжая в новую квартиру.

– К тому имелись некоторые обстоятельства, – легкомысленно пожав плечами, уклончиво ответила она.

– И чем ты была занята настолько, что не нашла час-полтора, чтобы сменить замок? – все выговаривал ей Кедров менторским тоном.

– Изучением осадконакоплений, полученных путем глубокого бурения илистых образований озера Байкал, – ответила Алиса и поделилась впечатлениями: – Тяжелая работенка, скажу я тебе.

– М-да, Ёлкина, – вздохнул Денис, – это, наверное, диагноз. Но, насколько я припоминаю, раньше за тобой не водилось привычки влипать в сомнительные истории.

– Да, – рассмеялась она, – я влипала в очень конкретные истории, например историю с тобой.

И от этого ее высказывания оба вдруг почувствовали какую-то неловкость, словно затронули, пусть и совсем краешком, запретную тему.

– Клад – это, конечно, зашибись как интересно, – поспешил уйти от неуместных и лишних в их нынешней ситуации воспоминаний Кедров, – но, думаю, к убийству парня он не имеет никакого отношения. И повторюсь: вести расследование – дело следователей и оперативников, уверен, они прекрасно со всем разберутся, и тебе нет надобности чего-то пугаться.

– Слушай, Кедров, – разозлилась Алиса, – я же не прошу тебя расследовать это убийство и не даю заданий повышенной сложности из серии «пойди туда, не знаю куда, найди яйцо Кощеево». Я всего лишь прошу узнать ход расследования и насколько велик шанс, что меня могут обвинить в этом преступлении. И уже в зависимости от этого дать мне совет, что следует делать. Раз уж ты служишь в информационном отделе, то наверняка работаешь с программами FineFace, то бишь распознавания лиц, и можешь проверить, кто входил-выходил в это время из подъезда, куда шел, мое появление там… Так сказать, помочь коллегам со сбором улик. И вообще… – длинно выдохнула Алиса, враз перестав на него злиться, ощутив, как ее словно накрывает тягучей, успевшей состариться за эти долгие часы усталостью. – Я как-то сильно сомневаюсь, что ты простой, рядовой служащий какого-то непонятного информационного отдела, – усмехнулась она устало-иронично. – Ты совершенно потрясающий талант, технарь до мозга костей, всегда обожал свои программы, а с компьютером, наверное, родился или прямо в нем. К тому же ты поставил себе конкретную цель и упорно к ней двигался. И с твоим характером вряд ли бы свернул в какую-нибудь подворотню жизни, не достигнув чего-то. Ты всегда был гениален в том, во что был влюблен, я это твердо знала и верила в тебя абсолютно.

– Я не падок на неприкрытую лесть, Ёлкина, – усмехнулся Денис.

Но, вообще-то, да. Девчонкой, маленькой, еще не знавшей жизни и людей, она отчего-то верила в него безоговорочно, абсолютно, и восхищалась его способностями, и поддерживала как никто. Наверное, единственная, кто так в него верил.

– Ладно, Ёлкина, – прихлопнув ладонями по подлокотникам кресла, поднялся Денис, – я попробую завтра на работе навести справки. Но, думаю, все же ты зря нервничаешь, создавая панику и круги на воде, нет никаких оснований для обвинения тебя в этом убийстве. Так что иди и спи-отдыхай спокойно.

– Хочется верить, – вздохнула Алиса, тяжело поднимаясь с дивана, и повторила: – Хочется верить, Денис.

Больше всего Кедрову мечталось попрощаться поскорей и просто захлопнуть за девушкой дверь, но сука-совесть разнылась, рассвербилась, выступив не по-детски, и пришлось ему, вздыхая и ворча недовольно под нос, как старикан, сунуть ноги в дежурные кроссовки, накинуть куртку и отправиться провожать Алису до дома, с тоской ожидая, что придется о чем-то еще и говорить с ней по

дороге. А говорить ему именно с ней ни о чем не хотелось.

Но нет, общаться не понадобилось.

Алиса была погружена в какие-то свои, явно не простые мысли, которые и крутила-обдумывала, низко опустив голову и глядя себе под ноги. И, когда они проходили мимо уличного фонаря, коротко посмотрев на девушку, Денис отметил, как вдруг резко осунулось ее лицо – видимо, держалась какое-то время на адреналине, а когда отпустила себя, успокоенная его словами, так сразу и навалилась, сказалась накопившаяся усталость и напряжение всего дня.

Кедрову стало вдруг неловко за себя и шоркнуло по совести за это свое раздражение, за то, как он вел себя с ней – показательно-отстраненно, надменно, иронизируя над ее страхами, неосознанно выстраивая их беседу таким образом, чтобы держать определенную эмоциональную дистанцию. Выеживался перед ней зачем-то, ерничал, занудствовал, а она ведь просто реально испугалась, что ее могут обвинить почем зря.

Представил себе на мгновение, как Алиса после многочасового перелета, после тех жарких ученых споров в кафе возвращается домой и находит такой вот «подарочек» у своих дверей, и выдерживает все полицейские формальности на месте преступления, и выслушивает практически прямое обвинение в причастности к убийству. Даже его проняло бы, а она все же девочка, хоть и очень крутая. И неожиданно Кедрова вдруг накрыло каким-то острым приливом нежности к ней, необъяснимым теплым, странным чувством, наполнившим его всего…

Алиса повернула голову, посмотрела на него, словно почувствовала его удивление, его эмоции и ощущения, улыбнулась совсем замученной, мимолетной улыбкой, и Кедрова потихоньку отпустило. Отпустило, оставляя в душе непонятное остро-сладкое послевкусие от этого короткого пережитого приступа чувственной нежности к ней.

Денис осмотрел лужу у порога ее квартиры, вернее замытые следы от кровавой лужи, отказался от произнесенного Алисой дежурно-вяло предложения зайти на чай-кофе и немного подсохшую в дороге булку, которую Алиса привезла с собой. И, дождавшись, когда она заперла замок изнутри, быстро сбежал по ступенькам, не дожидаясь лифта, и выскочил из подъезда.

Постоял, глубоко вдохнул-выдохнул, посмотрел в небо, лишенное звезд «световым шумом» столицы, и внезапно решил прогуляться. Ну, раз уж все равно вынужденно вышел на улицу, да и думается при ходьбе лучше.

Когда-то Денис дал себе слово, что не станет интересоваться жизнью и судьбой Алисы – каждый пошел своим путем, и лучшее, что он мог сделать, это поскорее дистанцироваться душой от нее. В идеале было бы неплохо сохранить лишь теплые воспоминания о своей первой подростковой любви, светлые, необременительные и очень далекие. И не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-alyushina/otsrochennyy-shans-ili-podarok-iz-proshloy-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить